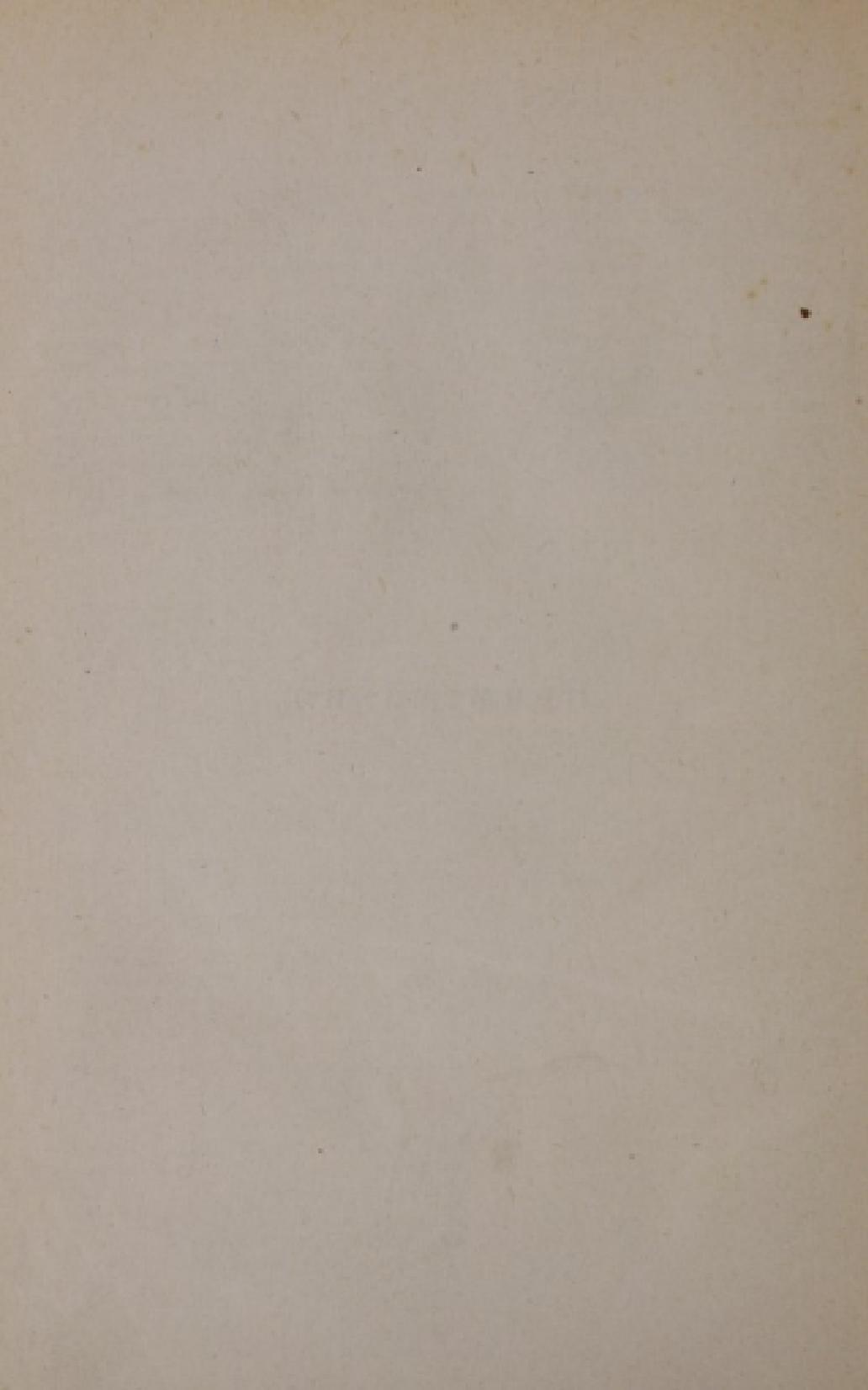

Примечания.

В) Арест Болдырева произошел при следующих обстоятельствах.

Приехав в Минск, Крыленко, который до революции числился в армии в чине прапорщика, пригласил для доклада Болдырева, командовавшего 5 армией.

Дело было 11 ноября 1918 г., когда находившиеся на фронте царские генералы еще рассматривали Октябрьскую революцию, как «временный» успех «жучки эвентуристов», как успех, который скоро удастся ликвидировать, а потому они держались по отношению к новой власти высокомерно. Высокомерно держался и Болдырев, тем более, что он чувствовал себя под защитой преданных ему военных частей, особенно отряда Глазюнина, а также Аринского, который, по словам Болдырева, «на 50 проц. состоял из асов».

«Около 2 часов дня,—читаем мы в дневнике Болдырева,—яку позвонили по телефону из Аринского, пригласив на заседание, имеющее быть в 3 часа дня «в присутствии главнокоманд». На этот политический ход я приказал ответить, что вместо меня придет штабс-капитан Красовский».

Крыленко заявил Красовскому, что намерен вести разговор только с командиром, когда он придет вечером с докладом. И Болдырева, чтобы подчеркнуть «доблесть» Красовского, заносит в свой дневник, что «революнику Крыленко» Красовский «твердо отпарировал словами: «Напрасно будете ждать, ни утром, ни вечером командующий к вам не придет». Очевидно этого инцидента утверждают, однако, что Красовский только и сказал, что «генерал отклоняется».

Крыленко тут же отдал военно-революционному комитету распоряжение об аресте Болдырева.

Солдат Сталковский, член военно-революционного комитета, явился с отрядом к Болдыреву и передал ему ордер на право ареста, «по приказанию Верховного Главнокомандующего за непризнание советской власти».

Болдырев заявил: «никаких распоряжений прапорщика Крыленки не считаю для себя обязательными и подчиняюсь только силе». Как известно, «подчиняюсь только силе» было тогда в большой моде.

Никаких насилий, конечно, применять не пришлось. Арест, впрочем, был «одиночкой», с исполнением обязанности до казначейки заместителя. Утром был назначен заместитель—генерал Антипов, а вечером Болдырева усадили в вагон 2 класса и отправили в Ленинград, сперва в Смольный, а затем в Петропавловскую крепость в «Кресты».

2) *Скорняков* принадлежал к тем немногочисленным присяжным поварам, которые сорвали саботаж адвокатов и верными начали на советском суде выступать в качестве защитников.

3) Когда немцы весной 1918 г. свергли Петлюру и разогнали Украинскую Центральную Раду, то они передали власть Скоропадскому, который начал на Украине проводить германскую политику.

Гетманство Скоропадского продолжалось, впрочем, недолго. 14 декабря 1918 г. Петлюра взял Киев, чем положила конец гетманству Скоропадского.

4) *Людendorff*—начальник штаба германского главнокомандования в конце империалистической войны.

5) Во время мирных переговоров в Брест-Литовске генерал *Гоффман* принимал участие в германской делегации, как представитель германского верховного командования.

6) *Корнилов, Лазарь Георгиевич*, во время империалистической войны командовал 48 пехотной дивизией, воевавшей в Галиции. Раненый в одном из боев, он в 1915 г. попал к австрийцам в плен, откуда бежал обратно в Россию, где вновь вступил в действующую армию, командуя на кто-западном фронте XXV корпусом.

После февральской революции Временный Комитет Государственной Думы назначил Корнилова главнокомандующим петроградским военным округом, а затем верховным главнокомандующим.

Корнилов, как решительного солдата и ярого монархиста, буржуазия, впрочем, с падением Керенского и при поддержке эсеров, выдвигала на пост диктатора и уверяла, что только Корнилов сможет обуздать революционные устремления пролетариата и водворить в стране буржуазный порядок.

Чтобы раздвинуть гнездо революции, Корнилов двинул (26 августа 1917 г.) на Петроград свои казацкие части и дивизию кавказцев, но это выступление встретило дружный отпор со стороны рабочих и солдат и закончилось поражением.

После Октябрьской революции Корнилов был арестован и водворен в Быховскую тюрьму, откуда бежал на Дон вместе с охранявшими его казаками.

В декабре Корнилов вступил в командование добровольческой армией. Командовал он, однако, недолго. В бою под Екатеринодаром (13 апр. ноя. ст. 1918 г.) смелый пошел в хвост, в которой заседал штаб армии, и наголову убил Корнилова.

7) **Алексеев, Михаил Васильевич**, — был начальником штаба верховного главнокомандующего во время империалистической войны. Осенью 1917 г., после февральской революции, был назначен, вместе с Корниловым, верховным главнокомандующим. После Октябрьской революции бежал на Дон, где создал, так называемую, «Александровскую организацию», которая при Корнилове стала официально именоваться Добровольческой армией.

Алексеев велал «внешней» политикой и финансово-хозяйственной стороной армии, именовался «Верховным Руководителем Добровольческой Армии».

Алексеев умер в Екатеринодаре 25 сентября 1918 г.

8) **Деникин, Антон Иванович**, — генерал, командовавший полком еще во время русско-японской войны. Принимал участие и в империалистической войне. Когда при Временном Правительстве пост верховного главнокомандующего Алексеев занял, то начальником его штаба был назначен Деникин. После Октябрьской революции Деникин также бежал на Дон.

Когда Корнилов умер, то его место занял Деникин. После смерти Алексеева Деникин начал именоваться «главнокомандующим», объединяя в своих руках власть командования и управления.

По требованию Антанта, Деникин подчинился Колчаку, как «верховному правителю».

Деникину удалось на некоторое время захватить Украину, но уже со второй половины 1919 г. его Добровольческая армия начала терпеть одно поражение за другим. В конце марта 1920 г. Деникин передал власть Врангелю, и сам выехал за границу.

9) **Чайковский, Николай Васильевич**, — некогда был революционером. В 1869—71 г. г. он сгруппировал вокруг себя кружок петербургской революционной молодежи, так наз., «чайковцев», которые занимались самообразованием и пропагандой. Этот кружок во главе начал сложению в народ.

В 1874 г. Чайковский эмигрировал за границу. Поселившись в Лондоне, Чайковский принял участие в «Фонде Вольной Русской Прессы», который занимался издательством умеренно-народнических листовки и брошюр. После февральской революции Чайковский вернулся в Россию и пошел в члены ЦИКа, где приступил к оборонческому лагерю.

После Октябрьской революции Чайковский ушел в ряды контр-революции. В 1918—19 г. г. Чайковский входил в состав белогвардейского правительства в Архангельске, образовавшегося под прикрытием английского и американского десанта. Чайковский завязал с Колчаком и принимал всех в поддержке Колчака.

10) **Болдырев** говорит, что «Центр находился под большим влиянием Савинкова». Как теперь выяснилось, Савинков вначале стоял вдали от Политического Центра. Он занимался формированием собственной контр-революционной организации, тайного общества для борьбы против большевиков, под названием «Союз Защиты Родины и Свободы», для чего очень успешно использовал мандат, выданный ему Алексеевым и предназначившийся для других целей. Когда Савинков на средства, полученные им от Маслякова и союзников, закончил формирование «Союза» и стал готовиться к вооруженному выступлению, то он поднимил свой «Союз» Национально-

му Центру, по распоряжению которого и начались митинги в Рыбинске, Ярославле и Муроме.

В характеристике «Национального Центра» и «Союза Возрождения», а также в изложении их взаимоотношений подаются у Болдырева досадные неточности и даже грубые передержки, объясняющиеся ссылкой автора книги на то чтобы не стало конобразить «Союз», инициатором которого Болдырев «вылезал» до известной степени, в розовом свете, как организацию чисто демократическую. Болдырев подчеркивает, что в «Союзе» «весьма сильно было представлено юридическое течение, во главе со старым народником Н. В. Чайковским». Чайковский, насколько известно, членом «Народной Воли» никогда не был, но пенку Болдырев отламывается только ссылкой на Чайковского и поддерживается от указания, к какому политическому лагерю принадлежали остальные члены «Союза»?

Разве Болдырев не знает, что в состав «Союза» входили и кадеты, и даже лица более правых убеждений — монархисты. В «Союзе», конечно, входила и такая лица, которые, как, например, сам Болдырев, отрицательно относились к Учредительному Собранию — этому основному «демократическому» лагуну «Союза», лагуну, который, как известно, служил главной помехой для установления полного соглашения между «Союзом» и «Политическим Центром».

По словам Болдырева, в «Политический Центр» входили «представители высшей царской бюрократии, представители промышленников, землевладельцев и т. д.».

«Центр», — говорит А. Деникин, — «был таинный союз русских либералов, в о со стапу и политической программе почти однородный — кадетский». «По определенно одного из учредителей, в состав «Центра» входили: «безусловные кадеты, левые октябристы, правые торгово-промышленники и превратные социалисты (Синица, Александровский, Савинков)».

«Что касается организации временной власти», — говорит А. Деникин, — то различия во взглядах были лишь в формах и источнике ее происхождения. Если Правый Центр (первоначально «Национальный Центр» именовался «Правым», а «Союз Возрождения» — левым. В. В.) мыслил ее в виде единоличной военной диктатуры, и в подгоготовленной, то в «Союзе Возрождения», во существу не отрица диктатуры (вместо единоличной — трехчленной Директорий, в условиях того момента невидел возможности создания власти сколько-нибудь правильным демократическим путем».

И напрасно Болдырев старается убедить нас в том, что «грехи» возглавить Россию диктатором были, «как зараза», занесены на восток с юга, где будто бы орудовал только «Центр». Эти «грехи» туманные головы и многих членов «Союза Возрождения», которые только поджидали наступления момента «самоирреженности». Эти «грехи», впрочем, объясняются сущностью и смыслом всего контр-революционного движения. И если бы «самоирреженность» благоприятствовала Гривину-Алмисову, то Сибирь была бы очластивлена диктатором еще задолго до Колчака. А что вопрос о диктатуре занимал тогда умы многих сибирских деятелей, это признает и сам Болдырев на 79 и 41 страницах своей книги.

«Непосредственной тесной работы между «Национальным Центром» и Союзом в сущности не было. Все ограничивалось взаимной информацией через лиц, наиболее примесших к той и другой организациям. Дороги были разные. Конечно, что представители «Центра» поддерживали связь с «возрожденцами» больше по политическим соображениям, и то до поры-до-времени. Все-же в Союзе были социалисты, с которыми им было не по пути».

Так пишет «историю» Болдырев. «Дороги были разные». Как это понять? Конечно, одна или с юга, а другая — с востока, но ведь цель-то была одна: «освоение цели Союза и Центра совпадало», — говорит Деникин.

Не в этой мелочи, однако, дело, а дело в том, что в приведенной нами выписке Болдырев кое-что «ослабил» и кое о чем умолчал. Вот что читаем мы в книге Деникина:

«Некоторая связь между Союзом и Центром, тем не менее, существовала. В состав обеих организаций с их восток входили кадеты: Астров, Степанов и Н. Щепкин, с целью взаимного уведомления, насколько возможно солидарным добродетельной и другой в наиболее благоприятные моменты; кроме того, существовала соединенная коллегия генералов (от правого Центра — генерал Цихович и адмирал Не-

мниц; от Союза—ген. Болдырев для согласования «военных мероприятий» организаций»¹⁾.

Такова действительная «история», которая показывает, что обе организации были связаны довольно солидно, и которая, между прочим, убеждает каждого, что не только демократические настроения и какие-то там симпатии, но и некоторые соображения иного порядка заправили стопы Болдырева на восток. Остается только предположить—а это, думаю мы, не будет противоречить действительности,—что выборы Болдырева в «Главноверха Уфимской Директории» были предусмотрены, если только не предопределены, «свыше».

Что же касается утверждения Болдырева, будто «Центр» и «Союз» как-то по-добово, хотя и естественным ходом вещей, разделили свою сферу действия («националисты» определенно потянулись югу, «козрожденцы»—на восток, в Сибирь), то оно не соответствует действительности: и на востоке, и на юге имелись представители обеих организаций; и если в Сибири было мало «националистов», так зато на юге было много «козрожденцев».

Ш. А. Б. Сизов—известный деятель сибирской кооперации при Колчаке. В Колчаковню он приехал, как представитель северного, архангельского, правительства, которое возглавлял Чайковский. На Дальнем Востоке, бывшем ареной многих переворотов, Сизову удалось даже стать во главе правительства, правда, на два только дня, но в течение этих двух дней он, как ловкий пройдоха, ухитрился много добра награбить и благополучно скрыться.

Ш. Дитерихс, М. К., был во время империалистической войны близким сотрудником Алексеева, который назначил его даже (в 1915 г.) генерал-квартирмейстером его-западного фронта. Впоследствии Дитерихс командовал дивизией, которая отправлена была на помощь союзникам в Миссиссипи, на Сальвинский фронт, где он и пробыл до июня 1917 г.

В конце августа 1917 г. Дитерихс, как начальник штаба генерала Крымова, участвует в походе Крымова на Ленинград, чтобы ликвидировать Советы. Удрученный неудачей, Крымов убивает себя выстрелом из револьвера. Дитерихс-же входит в доверие к Керенскому, который и предлагает ему пост военного министра. От этого поста Дитерихс, однако, отказался, но зато получил назначение в ставку, где при Корнилове и Духонине занимал пост квартирмейстера.

После Октябрьской революции Дитерихс свихнулся с чехо-словаками, которые назначили его начальником своего штаба и в своих авиалетах доставляли во Владивосток. Дитерихс принимает участие в захвате чехами Владивостока. Вскоре чешский генерал Ян Смырны сделал его начальником своего штаба.

Когда же чехи ушли в тыл, они «амнистили» Дитерихса, как чужестранца из своей среды. В январе 1919 г. он уже сменял чешскую форму на русскую.

Дитерихсу Колчак поручил одну из «ответственных миссий», а именно: отвратить два крейсера на английский крейсер «КЕНТ» целый вагон реликвий—вещей, оставшихся от царской семьи в Тобольске и Екатеринбурге.

Дитерихса же Колчак поставил во главе комиссии, которой поручено было вести следствие по делу о расстреле царской семьи. Весь добытый следственный материал Дитерихс опубликовал в книге «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале», которая в 1922 г. издана была во Владивостоке.

Когда Гайда ушел в отставку, главнокомандующий Лебедев назначил Дитерихса на пост командующего сибирской армией. Дитерихс, заняв этот пост, повел также лживые истории, что Колчак вскоре дал отставку Лебедеву, а Дитерихса назначил главнокомандующим фронтом и одновременно начальником штаба верховного правительства.

Но уже близкие к нему военные операции показали Колчаку, что Дитерихс искусный стратег. Колчак отстранил его от дела и передал главнокомандование Сихареву.

¹⁾ Эта и предыдущие цитаты взяты из книги А. И. Деникина—«Очерки Русской Смуты», т. III, стр. 74 и последующие. Книга эта вышла из печати в 1924 г. в Берлине в издательстве «СЛОВО». Курсивом мы отметили те слова, которые Деникин приводит из «Записок» генерала Астрова.

Эту обиду Дитерихс не мог простить Колчаку. И когда Колчак при отступлении вынужден был на станции Тагга уступить настоятельным требованиям братьев Пешелевых в итоге предложить главнокомандование Дитерихсу, то последний согласился лишь при том условии, если Колчак совершенно откажется от власти и выйдет за границу. Этому условию Колчак принять не хотел. Таким инцидентом закончилась деятельность Дитерихса в Колчаковьях.

13) Когда 8 июня 1918 г. чехо-словаки заняли Самару, то находившиеся здесь эсеры—члены районного Учредительного Собрания И. Брушват, В. Вольский, Е. Фуртуватер и И. Нестеров—опубликовали приказ о передаче всей полноты власти в Самаре к «Комитету Членов Учредительного Собрания», сокращенно—«Комуч». При Комуче образовались правительство, так называвший, совет управляющих ведомств. В состав Совета входили: Е. Ф. Роговский, председатель и управляющий ведомством государственной охраны, Д. Ф. Ратки ведал финансами, П. Г. Маслов—земледелием, В. И. Алазов—продовольствием, В. Н. Филипповский—торговлей и промышленностью, И. П. Нестеров—путями сообщения. П. Г. Белозеров управлял ведомством телеграфов, почт, Галкин—военным, М. А. Ведугини—иностранных дел, П. Д. Климушкин—внутренних дел, И. М. Майский труда, А. С. Биланкин—истории, В. С. Абрамов—госконтроля и госимущества и Е. Е. Лазарев—просвещения. За исключением беспартийного Галкина и меньшевика (лине коммуниста) Майского, все члены Совета были эсерами.

Комуч формировала свою «Народную армию» на основе принципа добровольчества, что, однако, успеха не имело, и 30 июня 1918 г. Комуч вынужден был объявить правительственно мобилизацию всех рядовиков в 1897 и 1898 г. Хотя эта мобилизация дала плачевные результаты, но «Народная армия», в ряде которой спешили белогвардейцы и черносотенцы, к тому времени насчитывала солидную цифру—до 3000 человек, в том числе 10000 хорошо вооруженных чехов. Эта армия и дала в первое время Комучу возможность достигнуть некоторых военных успехов. Народная армия вскоре заняла Уфу, Симбирск, а 7 августа чехо-словаки ворвались в Казань, которую и передали Комучу. В Казани эсеры захватили государственный золотой фонд (около 60 миллионов рублей золотом, кроме большого количества серебра, платины и других драгоценностей), который потом вошел в руки Колчака.

Власть Комуча после захвата Казани простиралась на губернии: Казанскую и Самарскую и на части Уфимской и Симбирской. Комучу номинально были подчинены образовавшиеся приблизительно в то же время, правительства Оренбургской области (Дутон) и Уральского казачьего войска. Хотя территория комуча была небольшая, тем не менее Комуч хотел иметь значение и играть роль всероссийской власти на том-де основании, что его, Комуча, устраивали направленные на восстановление Всероссийского Учредительного собрания, как полновластного хозяина страны.

Властвовал, однако, Комуч недолго. Уже в сентябре Красная армия вытеснила его из Казани. Вскоре Красная армия заняла Симбирск и Самару. С образованием же Уфимской директории власть Комуча прекратилась окончательно.

14) На 26 января 1918 г. была созвана в Томск сибирская Областная Дума для выбора областной буржуазной власти в противовес советской.

В ту же ночь Томский Совет, который успел уже прокламировать себя, как власть, ликвидировал всю областную власть, арестовал многих членов Областной Думы. Уклонившие от ареста собрались на конспиративную квартиру, и вторых опасаясь, что их с минуты на минуту могут накрыть, выбрали сибирское областное правительство. Но в самих выборах здесь, конечно, и речи быть не может. Петр Дербер, возглавлявший эту контр-революционную авантюру, просто удалявал, кому какой портфель следует вручить, а собирающиеся группа (2—30 человек) утверждала предложенную кандидатуру с редким единодушием и немалой скоростью.

Выбирали не только присутствующих, но и отсутствующих, не заручившись даже заранее их согласием занять вначале миз-стерское место в правительстве. Так, например, попали в министры Вологодский, Крутовский и Серебрянский, с которыми, как выяснилось, во вопросу о министерских портфелях никто никаких переговоров не вел и которые никому не давали своего согласия на вступление в члены правительства.

Из присутствовавших на собрании, между тем, почти все захотели стать министрами. Портфелей, однако, для всех хватить не удалось, а поэтому М. Шата

ав, Сергей Кудрявцев, Нюметулов и Захаров были назначены министрами без портфелей.

Портфели же были распределены следующим образом: Дербер—председатель и министр земледелия, Вологодский—иностранных дел, Краковецкий—военных дел, Новоселов—внутренних дел, Крутовский—защиты населения, Иван Михайлов—финансов, Патушинский—юстиция, Колобов—торговли и промышленности, Серебрянников—снабжение и продовольствия, Ранчин—просвещения, Устругов—путей сообщения, Иван Юдин—труд.

Помимо этих обычных министерств, областники создали еще два туземных дела—дело Тибер-Петров в экстерриториальных народностях—украинец Судяков.

Выбрав правительство, конспираторы уехали на Дальний Восток, чтобы там устроить свою базу для борьбы с советской властью.

Они покрывали Сибирь сетью хорошо вооруженных организаций, в состав которых входили белогвардейцы и черносотенцы всех мастей и оттенков, и готовились к одновременному выступлению, дабы сразу захватить наиболее значительные сибирские центры. В первую очередь решили захватить княжеский Томск, где они и выступили в ночь на 28 мая. Белогвардейские отряды были хорошо вооружены. Иван руководил опытные в военном деле начальники, как козляковский генерал А. Печелая и царский полковник Сужаров. Тем не менее, красногвардейцы и вооруженные рабочие удалось с замечательной легкостью ликвидировать это восстание и расстрелять все белогвардейские планы. Такой исход имели бы, несомненно, все белогвардейские восстания и в других сибирских городах, но на помощь сибирской контр-революции пришла хорошо вооруженные чехо-словацкие дивизии, которые аврасской растагнулись по сибирской магистрали, захватывая города и свергая советскую власть.

26 мая чехо-словаки заняли Новоноколасск, 31 мая—Тайгу и Томск. 15 июня—Омск, 16—Барнаул, а 17—Красноярск. Как только Томск попал в руки белых, немедленно же стало известно, что свое право на власть занимает, так называемый, «Западно-Сибирский Комиссариат», в составе Павла Михайлова, Бориса Маркова, Михаила Линдберга и Василия Сидорова, которые де имеют от сибирского областного правительства мандат на организацию власти на территории Сибири, отщепенной от большевиков, и держат эту власть в своих руках, пока обстоятельства не дадут возможности съехаться действительным членам сибирского правительства.

Комиссариат, составленный из лиц, известных только ограниченному эсеро-скому кругу, не мог, конечно, пользоваться широкой популярностью и, строго говоря, никто с этим комиссариатом не считался. Нагда же вся Западная Сибирь очутилась в руках белых, то оказалось, что на ее территории находится пять членов сибирского правительства, избранного на конспиративном собрании, о котором мы говорили выше. Эти члены были: П. В. Вологодский, В. М. Крутовский, Г. Б. Патушинский, И. А. Михайлов и Б. М. Шатилов. Вот они и ликвидировали Западно-Сибирский Комиссариат и образовали то «Временное Сибирское Правительство», о котором упоминает Болдырев в этой части своей книги.

15) Вольский К. К. - видный эсер, в Самаре принимал деятельное участие по организации свержения советской власти, член «Колуча» (см. примеч. № 13). Когда в Уфе была избрана Директория, то Колуч прекратил свое существование, как орган власти. Вместо Колуча образовался, как «государственно-правовой» учреждение, «След члена Учредительного Собрания», на который возложена была обязанность подготовить созыв Учредительного Собрания. Вольский был председателем этого Следа. После осыпного переворота Вольский был в составе той группы Следа, которая не признала Колчака и которая призвала население Сибири и Урала к восстанию против Колчака. Этот призыв никакого успеха не имел. Колчакицы при содействии чехо-словаков ликвидировали эту группу; многие учредильцы были арестованы; те же, которые остались на свободе, собрались 29 ноября на нелегальном собрании, на котором многие, в том числе и Вольский, высказались в том смысле, что в виду опасности угроземой революции справа, со стороны Колчака, следует прекратить борьбу с советской властью. В развитие своего решения эта группа учредильцев вступила в переговоры с советским командованием, которое пропустило ее на территорию Советов.

16) Когда белым удалось свергнуть Советы по всей Сибири и установить желтодеревское сообщение с Дальним Востоком, то туда выехал Вологодский, чтобы

уговорить Дерберга отказаться от претензий на власть, а Корвата от попытки организовать на Дальнем Востоке самостоятельную, от сибирского правительства независимую, власть. Одновременно Вологодский шел на Дальнем Востоке переговоры с представителями интриганов на предмет признания сибирского правительства, как «всероссийского». «Через автономную Сибирь к возрождению Сибири» — вот лозунг был в то время боевой лозунг белых.

Эта поездка на Восток состоялась в средних числах сентября, когда на Урале и Сибири успело уже образоваться несколько правительств, из которых одни претендовали на автономную местную, а другие на «всероссийскую» власть. Интриганты дали понять Вологодскому, что ни одно из этих правительств не может рассчитывать на признание, что они делают ставку только на единственного диктатора. И тогда уже англичанин, которых обхаживал Вологодский, довольно бессмысленно намекнул на Колчака, как на желанного кандидата на пост диктатора. Эта информация, которую получил Вологодский, до некоторой степени предуготовила дальнейший ход событий и легла в основу тех отклонений, которые Сибирское правительство установило с Директорией.

Не лишним считаем тут же сказать несколько слов о самом Вологодском.

Вологодский пользовался в Сибири популярностью, как общественный деятель. Он прошел во 2-ю Государственную Думу по списку прогрессистов. По своим политическим убеждениям, Вологодский принимал к сибирскому обществу. После февральской революции сибирские эсеры, нуждавшиеся в популярной личности, назначили Вологодского в свое партио. Его же избрали они на своем конспиративном собрании в члены правительства.

После Октябрьской революции контр-революционная часть сибирского казачества избрала Вологодского председателем сибирского казачьего войскового суда, который был организован в противовес советскому суду.

На посту председателя Совета министров Вологодский оставался почти до самого конца юнкеровщины. Лишь 23 ноября 1919 г. Колчак снял его с этого поста.

Нико Вологодский живет в Шанхае, где служит присоветником какого-то банка.

17) «Сибирь не дала Уралу хлеба, Урал не дал Сибири железа!» Не в этом выражалась «тамбовская война» Урала с Сибирью. Как будто при тогдашней хозяйственной разрухе и при тогдашнем правительственном хаосе Сибирь только и нуждалась, что в железе, а Урал будто был в состоянии доставить ей это железо!

«Тамбовская война» заключалась в следующем: в Сибири скопилось большое количество грузов, которые были заготовлены еще советской властью и предназначены были ею к отгрузке в центральную Россию. На эти грузы претендовало самарское правительство, Сибирские же правительства рассматривало их, как свою собственность, а потому и не хотело передать их самаритам.

Далее Сибирь отказывалась выплачивать деньги по почтовым переводам, которые делались Самарой, на том же основании, что в ее распоряжении мало денег, и требовала, почтовую, денежную подорожную от Самары.

В сущности вся эта история не заслуживает громкого названия «тамбовская война». Этот инцидент, который обчистится «мелководностью» жандармских органов и стремлением каждого из них осолить, проглотить друг друга, носил характер опретенной игры и водел повод к разным шуткам и островам.

18) Эмблема сибирских областников — белый и зеленый цвета, символизирующие сибирские белые снега и сибирские зеленые леса. Флаг сибирских областников состоит из двух продольных полос: белой и зеленой.

19) *Гришюк-Алишан, Алишань Николович* — был во время империалистической войны подполковником. Его настоящим фамилия — Гришин. Под фамилией «Алишан» он числился в сибирской подпольной антикоммунистической организации. В о-каменование этой своей доблестной деятельности в постановлено было впрямь ему называться «Гришюк-Алишан».

При Сибирском правительстве первого состава Гришину дали чин генерал-майора и поставили во главе военного министерства, на каковой пост выдвинули его эсеры, которые считали его вполне своим человеком. Власть окружила голову Гришина. Его-то сибирская буржуазия первоначально и наметила себе в диктатора. Эта роль ему улыбнулась и он исподтишка начал подготавливать почву. Эсеры скоро проваляли, куда шлет Гришин, и старались обезопасить себя от него. Удобный для этого предлог не замедлил найтись. В Челябинске из банкете, на котором при-

существовали и иностранные представители, Гринин выпил лишнее, и у него развился язык. Он начал обвинять союзников в том, что они материальной помощи не оказывают сибирской армии, и особенно подчеркнул, что все успехи, достигнутые на большевистском фронте, сделаны лишь русским оружием.

Эсеры раздули этот нештатный конфликт в «международное осложнение», открыли поход против «социального» военного министра, и добились его смещения.

Гринин сначала не захотел было признать своей отставки, но, почувствовав, что почва из под его ног ускользнула, смирился и вскоре уехал к Деникину на юг, где поочередно занимал ряд должностей, между прочим, даже должность одесского губернатора.

И на юге Гринин не пришелся ко двору. Он решил вернуться в Сибирь, чтобы служить Колчаку. При попытке выехать из Одессы большевистский фронт, он был около Царицына задержан отрядом советских войск. При нем найдены были документы, неопровержимо дообличившие его. Гринин выстрелил из револьвера поочередно с собой.

Лица, ставшие близки с Грининым, характеризуют его, как человека ограниченного и мелочного. Даже колчаковский генерал Гинк, который особенно благоволил к Гринину, говорит: «я увидел в Гринине маленького честолюбивого и самоуверенного человека», «недостаточная солидность толкала его в авантюристы».

20) Упрек, который Болдырев делает Омскому правительству, крайне неоснователен. Армия сибирского Правительства была в то время столь незначительна, что в смысле подразделения на волжский фронт и говорить не приходится. Да армия, строго говоря, еще и не была, а то, что в наличии имелось, было еще крайне неспособно и его не хватало даже для обеспечения порядка внутри Сибири.

21) *Капитан Владимир Александрович* — подполковник Его части, в состав которой входила истрежи и ветожищи, отличившийся крайней жестокостью. Его отряды в 1918 г. действовали на волжском фронте и в районе Казани. Колчак провозгласил Каппеля в генерала. Каппель — один из немногих генералов, в преданиях которых Колчак не разочаровался. После столкновения с Дегтерихом и Петляевым на ст. Тайга (см. примеч. № 12) Колчак по прямому призыву предложил Каппеля, который тогда подходил со своим отрядом к Нювнинскому, торопиться в Иркутск, где Колчак торжественно передает ему свои полномочия «верховного правителя». Каппель долго отказывался, ссылаясь на свою неспособность и неподготовленность нести такую ответственную обязанность. События, во всяком случае, предупредили возможность этой «передачи». Зато в разгаре отступления, а именно 11 декабря, Каппель перенял от Сазарова пост главнокомандующего.

Отряды Каппеля, объединившись с отрядами генерала Верещацкого, Войцеховского, Сазарова и др. сформировали, так называемый, «ледяной поход»: преследуемые Красной армией, эти отряды прошли пешком вступая во глубочайшие снега почти всю сибирскую магистраль и в суровые морозы, терпя голод и всевозможные лишения, перебрались через Байкал, чтобы попасть в стан атамана Семёнова. Этот переход стоил Каппелю жизни: он простудился, отморозил себе обе ноги и 25 января 1919 г. умер от воспаления легких.

22) Трудно верить, чтобы уже в это время Народная армия особенно нуждалась в боевых патронах и вообще в оружии. При захвате Казани в руки белых попадали столькие боевой добычи, что Народная армия, как это утверждает сам Болдырев (стр. 24), могла успешно повести, «даже без особого расчета на внешнюю материальную помощь» Болдырев сам себе противоречит. Чего не доставало Народной армии, — так это командиров, способных при создавшейся обстановке организовать победу. Не доставало также «идеи», «слонуга», который бы привлек в «Народную» армию действительный «народ», который вывел бы у мобилизованных «идею к вою».

23) Это утверждение слишком голословное. Иностранцы представляли только «дипломатически» туманные путанные головы учредителей и тех, которые плелись с ними, но, как послушные исполнители воли своих правительств, они всегда дили воду на мельницу Сибирского Правительства. Последующие события, разыгравшиеся в Сибири, должны были, наконец, в этом убедить и самого Болдырева.

24) «Административный Совет» был учрежден 24 августа 1918 года исключительно для того, чтобы сибирское Правительство имело деловой аппарат, который бы предварял — рассматривал проекты и подготовлял постановления, а также

выполняла ряд других мелких функций, строго оговоренных особым «Положением», «Постоянный состав Административного Совета», как гласит третий пункт «Положения», составляли: управленческие министерствами, товарищи министров и управляющий делами Совета министров.

При отступлении в Омске коюрума правительства, что случалась довольно часто, Административный Совет фактически выполняла функции государственной власти. В то время, о котором говорит Бодыров, Административный Совет относился крайне враждебно к Сибирской Областной Думе, которая пыталась взять власть в свои руки.

25) Циммервальд и Кинтале—два города в Швейцарии.

В Циммервальде в сентябре 1915 г. состоялась конференция социалистов разных стран. На этой конференции Ленин выпустил манифест к пролетариату, предлагая армиям борющихся стран прекратить братоубийственную войну и направить свое оружие против собственной буржуазии.

Вторая конференция состоялась в Кинтале 24-30 апреля 1916 г.

26) Александрович Александр Давыдович (родился в 1878 г.)— видный член эсеровской партии, от имени которой вошел в 1905 г. в состав Петербургского Совета Рабочих Депутатов и был членом его Исполнительного Комитета. После ареста и суда Александрович был по приговору судебной палаты сослан в Обдорск (север Тюменской губ.), откуда в 1907 г. бежал и эмигрировал за границу. В том же году вошел в состав Центрального Комитета эсеровской партии и принимал в ее правую крылу, которое стояло на позиции легальности и отказа от террора.

Во время империалистической войны Александрович занял социал-шовинистическую позицию, участвуя в эмигрантских газетах оборонческого направления («За русские», «Новости», «Прямые») и вербуя русских волонтеров для французской армии.

Вернувшись после февральской революции в Россию, Александрович занял пост председателя ЦКК's Совета Крестыианских Депутатов и вел ретивую борьбу против требования о немедленной передаче без выкупа всей земли трудовому крестьянству. В коалиционном правительстве Керенского Александрович был министром внутренних дел.

После Октябрьской революции Александрович вступил в контр-революционную организацию «Союз Возрождения». С этого момента Александрович, чтобы быть свободным в своих действиях, юридически вышел из подчинения партии, хотя фактически поддерживает с ней связь, стараясь для каждого своего поступка и шага добиться ее санкции.

Визитированный Колчаком из Сибири, Александрович уехал за границу, где по сию пору принимает участие в контр-революционных организациях и где в свое время вел даже агитацию за признание Колчака.

Земинин, Владимир Михайлович, тоже видный член эсеровской партии, вместе с Александровичем предвидя одна и тот же путь в уральско-сибирской авантюре. Но Земинин был своего рода «жертвой» партийной дисциплины. Эсеры дезегировали его в Уфимскую Директорию, чтобы вместе в этом правительстве сыграть доверенного информатора. Словом, как уверяет хорошо осведомленный К. Буревой (см. его книгу «Распад» стр. 32), Земинин «против своего желания был принесен в жертву революции».

27) Блюкер—рабочий уральских заводов, коммунист, командовавший уральскими отрядами в 1918 г., один из первых организаторов этих отрядов в эпоху гражданской войны на Урале. Блюкер нанес колоссальные удары контр-революционным екатеринбургским отрядам Дутова. Во время наступления на Дутова полк Екатеринбург, вследствие чего отряды Блюкера и Каширина оказались отрезанными от своей базы. Расстреляв все запасы патронов и снарядов и не имея возможности получить подкрепления, отряды Блюкера решили приостановить свой натиск на Дутова и отступить в Красноуфимскую. Это отступление проследить было мастерам, эссыетры на арьергарде боя и неоднократно издавали приказы неприятелю с флангов. Отряды Блюкера не раз совершали набеги, смелые и дерзкие по замыслу, на белых. Раз они чуть было не захватили город, в котором сидело все правительство Кочука. В ноябре 1918 года Блюкер со своим отрядом подошел даже к подступам Екатеринбург. Колчаковская армия окружила его. Блюкеру, однако, удалось прорваться и соединиться с Красной армией. В 1922 г. Блюкер был главнокомандующим Дальневосточного фронта.

В. Г. Бодыров. Директория, Колчак, Интервенция.

Блокер за свои заслуги на поле брани награжден высшими орденами «Красного Знамени».

26) «Эстовское Правительство», находитывается тогда в Уфе, — нечто иное, как одно из тех советнических собраний авантюристов, которыми особенно богата была контр-революция того времени. «По какой-то непредвидимой прихоти судьбы», — говорит И. Майский (см. его кн.: «Демократическая контр-революция», Госиздат, 1928 г. стр. 115), — в Уфе заседали представители белого правительства Эстонии, в котором в тот момент ничего не было известно, существует ли оно в природе или нет. «Прихоть судьбы» — это прихоть эсеров, не признававших даже какими-то самозванцами, дабы придать особую важность своей «всероссийской» власти. Три таких самозванца — А. А. Казлас, Б. Ю. Линде и А. Д. Нагу — и подписали от имени «временного Эстовского правительства» «Акт об образовании Всероссийской Верховной власти».

27) *Иванов-Ринко, П. П.*, — его фамилия только Иванов, а «Ринко» — это кличка, под которой он принимал деятельное участие в контр-революционных подпольных организациях, сформированных сибирскими эсерами весной 1918 г. До войны Иванов был полицейским, позже скандаль исправником какого-то западного уездного городка в Туркестане. Военную карьеру он начал десять лет при Западном-Сибирском Командармате.

Иванов известен как большой интриган. Его интриги сплотивались сержанком Гришиной Алмазова, по воле которого он и занял пост военного министра. Вступив на эту должность, Иванов восстановил для военных погоны, и стал, не в пример робкому и историкопому Гришину, с откровенной наглостью вводить в армию царские порядки. Иванов-Ринко играл в Колчакини роль вдохновителя многочисленных массовых расстрелов. Иванов-Ринко командовал при Колчаке даже какой-то конной армией. Колчак возвел его в чин генерал-лейтенанта, и даже назначил «атаманом сибирского казачьего войска».

Чисто случайно Иванов избежал плена и советского суда. Ему удалось достать паспорт на имя гражданина Армянской республики, благодаря чему он пробрался в Забайкалье и в Улан-Удэ.

На Дальнем Востоке Иванов, конечно, продолжал быть активным деятелем черносотенной контр-революции.

28) *Дутов, А. А.*, начал свою карьеру активного контр-революционера еще в 1917 г., когда он участвовал, как представитель сибирских казаков, на всероссийском казачьем съезде в Петере. Во время предпарламента Керенский командировал Дутова в Оренбургскую область для подготовки и формирования казачьих контр-революционных отрядов на случай, если большевики действительно попытаются брать власть.

Неизрядный по вешности, невежественный, тупоумный и солдафон по натуре своей, Дутов являлся в рядах контр-революции единственно грубой военной силой. Только контр-революционным бездельем объясняется тот факт, что и Дутов играл видную роль, что и с ним принуждены были считаться руководы и творцы контр-революции в Сибири.

Дутов был нинудинший стратег. Белые отряды, сражавшиеся под его руководством, терпели поражение даже от малообученных красногвардейцев первого периода советской власти.

Дутов — один из первых «атаманов», признанных Колчаком безоговорочно. Дутов угонял даже Семенова признает Колчака.

После крушения Колчака отряды Дутова перебазировались весной 1920 г. в Китайскую республику, где, разоружившись, расположились лагерем в гор. Чугучаке и на реке Зунга, и отдали себя под покровительство Тарбагатайского дунгуса (генерал губернатора) Чина. Лишь в 1922 г. все эта авантюра была ликвидирована советскими войсками.

29) Слово «народ» начал уже уставать от бесконечной смены властей» затупевшая действительно положение дел. Народ в то время уже со злобой и ненавистью смотрел на все «новые» власти, ибо все они, в том числе и Комуч, когда пороки, расстрелы и насильные мобилизации. Новые власти особенно усердно притесняли конфискацию у крестьян земель, захваченных после Октябрьской революции, и возвращали эти земли их старым «исконным» владельцам. Уже тогда ясно было, что Уфимская Директория, какими бы ни были ее состав и ее народолюбивские на-

«Кремль, не встретит никакой поддержки в недрах народа. Театры это призывает и Поддарики, но тогда думаю, что удастся властвовать против воли народа».

32) Савиловский, Василий Васильевич, — родился в Сибири большой популярностью, как общественный деятель и научный работник. Савиловский ученик профессора К. А. Тимирязева. В 1893 г. Савиловский получил кафедру ботаники при Томском Университете. С этих пор он посвятил себе изучению Алтая, о котором написал много научных трудов, отмеченных высшей наукой. Среди студентов Савиловский был популярен, как профессор и лектор.

По своим политическим взглядам и убеждениям, Савиловский примыкал к сибирскому областничеству. В составе сибирского Правительства он входил, как министр аграрного просвещения. На совещаниях в Уфе Савиловский, несомненно, был самой крупной фигурой, но для политической деятельности Савиловский совершенно не подходил, тем более, что по натуре своей ему чужды были всякие интриги, а тогдашняя политическая деятельность выражалась преимущественно в интригах.

Как только власть перешла к Колчаку, Савиловский отдался от министерского портфеля и целиком отдался научной и учебной деятельности.

Колчаковщина заставляла и Савиловского изменить свои отношения к советской власти.

В начале 1924 г. Савиловский заболел. Врачи констатировали рак легких, от какой-то болезни он 11 августа 1924 г. и умер в Томске.

33) Белоруссов, А. С. (настоящая фамилия — Беловский), правый народник, отбывавший наказание в ссылке, эмигрировал в Париж, откуда сотрудничал в либеральной газете «Русские Ведомости». Во время империалистической войны он был ярким оборонцем и стал даже национал-шовинистом.

После Октябрьской революции Белоруссов целиком отдал себя службе белогвардейцам. Он был редактором газеты «Отечественные Ведомости», которая издавалась в Екатериенбурге и поддерживала Колчака.

Белоруссов умер в Иркутске от тифа в сентябре 1919 г.

34) Вот полный текст этого постановления: «Съезд наличных членов Всероссийского Учредительного Собрания на заседании 13 сентября постановил: в случае образования в ближайшие дни Государственным Советом Временного Всероссийского Правительства, обеспечивающего на время столь необходимой стране власть, совета на 1-е января 19-го г. Всероссийское Учредительное Собрание, и, в случае прибытия не менее 250 человек, открыть его действия. Если указанного срока и 1-му января не будет, то возобновление работ Учредительного Собрания откладывается до 1-го февраля 1919 г. при числе в 150 человек».

35) Нет никакого основания даже предполагать, что эсеры шли на это соглашение искренно. Другая сторона, принявшая участие в организации той же власти, принудила эсеров довольствоваться этим соглашением. И эсеры довольствовались, сгорая сердцем. «Наша же в смерти Каинтета (Колуча). Это наше общее настроение» — вот что Володинки переплывал по прямому проводу в Сажуру членом Колуча, вскоре после образования Директории. И эсеры, несомненно, готовились к тому, чтобы «поглотить» своих противников.

36) Колчак, Александр Николаевич, — родился в 1873 г. Своё образование он получил в морском корпусе. В 1900 г. Колчак принял участие в экспедиции барона Толля, которую Академия Наук снарядила в Ледовитый океан для исследования сибирских северных морей. В 1912 г. Колчак, как самостоятельный начальник новой экспедиции, вторично отправился в Ледовитый океан для розыска без вести пропавшего Толля. За эту смелую экспедицию Академия Наук преподнесла Колчаку высшую награду — большую Константиновскую золотую медаль.

Колчак участвовал также в русско-японской войне. За оборону Порт-Артура получил золотое оружие. В империалистической войне Колчак командовал эскадрой фрегатов в Балтийском море, а потом — Черноморском флоте. Рассказывают, будто «Колчак искренно ликовал после февральской революции, был все время празднично настроен» (М. Маргулис — «Бог интервенции» книга II, стр. 34). Октябрьская революция встретила в его лице яркого противника. Чтобы отменить доблесть Колчака, составили легенду об эффектных жесте: во время разоружения высшего командного состава Черноморского флота, Колчак будто-бы бросил в море свой кортик. Но другие версии «золотого оружия», «сабля», говоря: «воре оно его дало — ворю его и отдаю». К. В. Сафонов — поручик, летчик, находившийся в Черноморском флоте все

время при Колчаке, передает: «Рассказ о броненной Колчаком в море сабле в ответ на предложение матросов сдать оружие — легенда; Колчак сдал, как и другие офицеры, свое оружие; и лишь на другой день, когда матросы возвращали оружие, Колчак взял свое, как и другие офицеры, и сказал: «раз не хотят, чтобы у нас было оружие — так пусть идет в море», тогда только бросил его» (см. книгу М. Маргулиса, стр. 94).

После Брестского мира Колчак просил англичан принять его на службу и отправить на германский фронт. Англичане удовлетворили просьбу Колчака и отправили его в Мессопотамию. С дороги, однако, Колчак был англичанами вызван на Дальний Восток, где ему поручено было заняться организацией дальневосточного антибольшевистского фронта. Дело было весной 1918 г., когда готовился чехословацкий митинг. Здесь-то и тогда именно англичане и нанесли Колчака на пост диктатора. Но из доставки Колчака в своем вагоне в Сибирь, в Омск, где и находился его сибирскому Правительству и откуда Колчак начал доводить подготавливать себе дорогу к диктаторскому трону, каленой и закончил 18 ноября.

Но уже через год — 14 ноября 1919 г. — Красная армия заняла Омск. За 2-3 дня до того Колчак эвакуировался на Восток. По дороге он решил в Иркутске сложить свой полномочия верховного правителя.

Но события предупредили Колчака. 4 января колчаковскому свергли в Иркутске. Узнав об этом, Колчак в Нижнеудинске, где застрял его поезд, издал в тот же день указ, которым сложил свои полномочия, объявив, что передает «верховные права» Денишину, но до получения от последнего согласия предоставляет «атаману Семенову всю полную военную и гражданскую власть на всей территории Российской Восточной Сибири».

Видя, что союзники-англичане, французы и др. — совершенно оставили его, Колчак в тот же день, обратился по телеграфу к японскому генералу Оэй с просьбой оказать ему поддержку.

Но для Колчака был уже сочтен Поезд Колчака, шедший под защитой всех союзнических флагов, был задержан на станции Иннокентьевская и передан представителям Политического Центра, как называлась образованная в Иркутске буржуазно-демократическая власть. Колчака и его министров привезли в Иркутск и посадили в тюрьму. Дня суда над Колчаком была назначена Чрезвычайная Следственная Комиссия в составе К. А. Попова, Н. А. Алексеевского, В. П. Денина и др. Закончить допрос Колчака, однако, не пришлось. Уже 26 января Политический Центр прекратил свое существование, и власть перешла к Совету Рабочих и Солдатских депутатов. Иркутск, между тем, окружало отступавшими с запада казачьими отрядами, которые требовали выдачи Колчака и выполнения ряда других условий. Чтобы предупредить события и разрядить раскисшую атмосферу, Революционный Штаб, во исполнение приказа ВЦИК-а и Сибревкома, объявил Колчака вне закона, приказав расстрелять Колчака. 7 февраля приговор был приведен в исполнение. Одновременно был расстрелян и его главный соратник В. Н. Пешелев.

37) Утверждено, что даже все «группировки», поддерживавшие Кожучу, выразили «яркий протест» против введения в состав Директории кого-нибудь из популярных лиц, замечавшихся в диктаторе, славном смысле. Вернее, этих кандидатов не проводили в Директорию только потому, что они находились слишком далеко от Сибиря, и на их скорый приход рассчитывать было нельзя, а «подходящего» кандидата под рукой не было. С другой стороны, потому, что почва для диктатора не была еще вполне подготовлена.

38) Асирова, П. П. — идет, бывший московский городской голова, член Учредилии, член Национального Центра, член «Союза Возрождения», который именно и делегировал его в Директорию. Состав Директории, «выбиравшийся» в Уфе, был в действительности заранее предсказан. Выборы были простой фикцией. «Сколько копий было сложено внутри уфимской фракции вокруг вопроса о форме власти и персональном составе Директории. Оказывается, что все это мы проделывали напрасно, так как за несколько месяцев до того все уже было предопределено в Москве: «Союз Возрождения» с участием Августиньена, Аргунова и др. уфимцев определил форму власти в виде Директории и наметил тот состав ее, который мы и «выбрали» на Уфимском совещании», — говорит хорошо знакомый с историей этих «выборов» К. Буревый в своей книге «Распад», стр. 124.

Остается верить Болдыреву, что он не знал о своем назначении в состав Директора. Что же касается Астрова, то он, несмотря на то, что был «избран» в состав Директора, на восток, однако, не поехал, а потонул на юг, где все время работал с Дениковыми. Лишнее доказательство того, насколько голословно утверждение, будто «Союз Возрождения» работал только на востоке.

39) **Виноградов, Владимир Александрович**, род. в 1874 г., был членом Государственной Думы третьего и четвертого созывов. При Временном Правительстве служил при министерстве путей сообщения. Его деятельность в урало-сибирской контр-революции протекала бедно. Виноградов — единственный член «Всероссийского» Правительства, голосовавший против единоличной диктатуры Колчака и ликвидации Директора.

40) **Новоселов, Александр Ефремович** — известный в Сибири беллетрист, эсер, с большим уклоном в сторону Сибирского областничества. Новоселов увлекался также этнографией Сибири и работал в Зап.-Сибирском Географ. Обществе в Омске, где служил несчастливым в браке пансионером. До февральской революции Новоселов стоял вдали от активной политической деятельности. Эсеро-областническое движение 1917 г. толкнуло и его на путь контр-революционной диктатуры. На конституционном собрании (см. примеч. 14) Новоселов был назначен министром внутренних дел. Он избежал ареста и скрылся на восток, где принимал участие в «правительстве автономной Сибири» Дерберя-Лазрова, которое на своем заседании от 21 июля 1918 г. вновь кружало ему портфель министра внутренних дел. Вскоре «Совет» делегировал его в Западную Сибирь для участия в работах Сибирского правительства.

Новоселов прибыл в Западную Сибирь как раз в то время, когда Сиб. Областная Дума решила покинуть в Административном Совете и взять власть в свои руки. Для этого Областная Дума решила в первую очередь ввести Новоселова в состав Сибирского Правительства на правах полномочного министра.

19 сентября министры Крутовский и Шатилов вместе с представителями Областной Думы Якушевым и Новоселовым прибыли в Омск и предложили Административному Совету восстановление Областной Думы. Административный Совет, который возглавлял И. Михайловым и в это время законодательствовал, вследствие отсутствия правительственного кобурма, слышать не хотел в принципе Новоселова в состав правительства, и отказался от самоназначения, вернее — от изменения положения об Административном Совете в желательном для Областной Думы смысле. Чтобы освободиться от назойливых притязаний областников, Административный Совет обратился за содействием к начальнику омсского гарнизона, полковнику Волкову, который отдал своим подчиненным распоряжение об аресте Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова, что и было выполнено.

41) Вот точный текст приказа, который в акте носит название «Торжественное обещание»: «Мы, члены Временного Всероссийского Правительства, избранные на Государственном Собрании в городе Уфе, торжественно обещаем хранить верность народу и государству Российскому и исполнять наши обязанности в полном соответствии с принятыми на Государственном Собрании актом об образовании Верховной власти».

42) Убийство совершилось при следующих обстоятельствах. Арестованных — Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова (см. прим. № 40) повели в военный штаб и заставили их, что они находились в распоряжении начальника гарнизона, полковника Волкова. В своих показаниях, которые давались специальной следственной комиссией, Крутовский рассказывает, что утром вызвали его в отдельную комнату, из которой ушли караульные, и подали ему «ужин заготовленные заранее об отставке, в который я, — говорит Крутовский, — якобы, по старости лет, боляки и проч., прошу меня освободить. Я спрашиваю, кто это требует, мне отвечают: «это не наше дело». Я повторно спросил, мне говорят: «мы вам говорим, что это не наше дело. Нам дело водворить только эту думу». — «Я же могу подписать». Тогда мне начинают говорить, что за это достанется».

Крутовского вывели в предельный коридор и поставили часовых.

«После меня, — продолжает свои показания Крутовский, — вызывают Шатилова. Подписывается бумага на очень короткое время, затем все стихает. Когда все стихло, меня опять приводят в эту же комнату и говорят, что «Шатилов подписал прошение, теперь вы подписываете». Я уже сказал, что не могу этого сделать. — Но это будет стоить вам очень дорого». — «Значит, вы меня хотите». Тогда Нарбут (один из

офицера) подходит ко мне вплоть и говорит:—Три минуты размышления—или мы поднимаете, или мы вас увезем на автомобиле, и вы будете расстреляны».

Крутовский подписал. «Я,—продолжает Крутовский,—иду к Шатилову и говорю: «как, вы подписали прошение?»—«как же»,—говорит—«не подписать, когда мне дали три минуты на размышление—или подписать или я буду расстрелян».

Тогда Новоселов и Якушев говорят, что мы напрасно это сделали, что молодцы только пусти».

Весь день арестованные провели в тревоге.—«Не беспокойтесь»,—говорит на вечер.—«завтра все выяснится. Сейчас идет заседание Административного Совета, который решает наши судьбы».

Утром вызвали Крутовского. «Предлагают мне,—говорит Крутовский,—ту бумажку, где говорится, что, согласно поданному прошению, Административный Совет постановил отстранить от должности, окончательно решение оставить до Совета министров. «Расшифруйте!» Я расшифровался. «Что жт, я буду освобожден?» «Да, будете освобождены, но еще маленький акт». С Шатиловым происходит то же самое. Затем меня опять вызывают. У них уже подготовлено обязательство, что, по распоряжению начальника гарнизона, я обязываюсь в 24 часа покинуть Омск и направиться к месту своего жительства. То же самое предлагают Шатилову и Якушеву. Затем нам объявляют, что мы свободны и мы можем уехать. Когда мы требуем, чтобы наша семья, в каком же положении Новоселов, то нам отвечают, что он в другом положении и что его дело передается прокурору. Новоселов говорит: «или отправьте меня в тюрьму или препроводите к прокурору, так как в этой квартире оставаться я считаю невозможным в протестную против этого». Они говорят: «все это будет сделано». С этим мы были выпущены».

Как впоследствии выяснилось, поручик Семенов и хорунжий Мефодьев были та «молодежь», которая добилась у Крутовского и Шатилова подписи под прошением об отставке, и которая, по словам Новоселова, «также пуляет». Вот эта «молодежь» и вопли 23 сентября конвоировать Новоселова в тюрьму. А уже 24 сентября начальник 5 района охотной Городской Милиции Земляев прислал прокурору охотной Судебной палаты рапорт, в котором сообщил, что «23-его сентября в Загородной роще обнаружен труп бывшего Акимовского Областного комиссара Александра Новоселова. Мною установлено, что Новоселов убит сопровождавшим его в областную тюрьму конвоем. Как видно из рапорта начальника конвоя на имя начальника гарнизона, Новоселов по пути следования в тюрьму предостерегаемым указателем места, где большевиками было спрятано оружие. Затем, когда конвойный, заинтересовавшись его предложением, решил с ним за город и всталши в рощу, бросился от них бежать. Это бегство и вынудило конвойных произвести по нему несколько выстрелов».

Из доклада прокурора управляющему министерством видно, что «при вскрытии у убитого обнаружены были три огнестрельных раны, из коих одна нанесена снайпом в шею, две же остальные сквозные раны причинены в левой руке и очередине, на очень близком расстоянии».

«Сегодня я лично,—читает мы в докладе прокурора,—по телефону проинформировал начальника гарнизона поспешить доставкой в мировому судье Семенову и Мефодьеву, но получил от него сведения, что оба они скрылись неизвестно куда и, несмотря на принятые меры, остаются до сего времени неразрешенными».

Чтобы закончить с историей событий, затронутых в этом приложении, заметим, что, по распоряжению члсского командования в Челябинске, начальник военного контроля подполковник Зайчек арестовал товарища министра внутренних дел Грацианова и сделал попытку арестовать И. Михайлова, которых считали главными виновниками ареста Крутовского и других и убийства Новоселова. Вскоре, однако, дело удалось по-хорошему: были аннулированы отставки Крутовского и Шатилова, освобожден из-под ареста Грацианов и отменен арест Михайлова.

43) Волков, подполковник,—первый, кто начал называть в Сибири «механическим» ярами. Свою карьеру он начал при Западно-Сибирском Командарте, который определил его на должность военного команданта в Петропавловск. Как рассказывает Крутовский, Волков «такой бесчестивый, арестовыва расстрели, и настолько все это было жестоко и грубо, что вызвало ропот. Попылось административу отправить туда комиссара для расследования. Комиссар поехал туда и через некоторое время куда».

«Молоды» Волков состояли в монархической организации «Смерть за родину». Волков сам был даже основателем этой организации. А насколько эта организация была проникнута черносотенством, видно из того, что члены ее считали даже Вологодского епископа для дела «национального возрождения».

Пятая в Волкову особые чувства благодарности, Колчак назначил его генерал-губернатором Иркутска (см. приказ № 180).

Волков, по словам Е. Колосова, «был окружен всегда настоящей фанзой офицеров, не гнушавшихся прямыми уголовными разбоями». В Иркутске волковские офицеры просто грабили людей, у которых имелись деньги, и потом тащили их на Ангара под ледом» (см. Е. Колосов—«Сибирь при Колчаке», изд. «Валлис» Петроград, 1923 г., стр. 138).

44) Анненковцы и Красильниковцы—это два отряда двух голыберезов—атаманов казачьих войск, Анненкова и Красильникова. Болдырев упрямлет их в том, что они «нигде не записаны в записку» Волкова и Михайлова. Упрямлет несомнительно: Михайлова они не выдали (чеки были осведомлены о том, что анненковцы охраняют Михайлова), а Волкова чеки сами арестовали только для профора, для успокоения волонтеров востановили насаждения. Арест, к слову сказать, был домашний, арестовали только, а через два дня Волков гулял уже на свободе.

Анненков и Красильников содействовали Колчаку совершить переворот, но оба, особенно Анненков, держались совершенно инстинктивно от Колчака. Можно смело сказать, что на территории Анненкова (Сеймшантинская губерния) власть Колчака и не простиралась. Красильников впоследствии предавал Гайде свои отряды для похода против Колчака.

45) «Директория не считала возможным закреплять свою власть штыками чехов». В связи с этим Александров будто-бы даже сказал: «Мы не хотим «иметь своих латышей». Что это, как не латышеры? Директория, насколько известно, никогда не отделилась от «чужих штыков» и потому пользовалась ими, тем более, что для ее «нероссийского» величия, которое надо было завоевать, не хватало «русских» штыков. Что директория не прочь была «иметь своих латышей»—видно хотя бы из того, что она заиграла даже с эстонцами, не говоря уже о том, что она издавала и держала согласие поддержки не только средствами, но и людьми. Разве неизвестно, что гасКомуч командировал Лебедева, своего военного министра, для переговоров с союзниками о помощи? Когда Лебедев сообщил, что на смерть можно рассчитывать только, то Александров ему ответил, что на фронте «все зависит от волевого, что «катастрофа неизбежна», если не подоспел союзническая помощь».

46) «Полнота власти» Директория была так робка, что не дерзала открыто призвать к порядку Ивана Михайлова, главного виновника всех событий, а только благоразумнеем завуалировать этого черносотенца и его гнусное поведение туманным призывом «всех казачьих членов» правительства «к спокойному выполнению своих обязанностей».

47) Аргунев, Андрей Александрович, род. в 1866 г., член эсеровской партии и одно время—член Центр. Комитета.

Во время революции и особенно во время описанных в книге событий Аргунев занимал в рядах эсеровской партии самый крайний правый фланг. Своим мнением, как упомянутого для «выяснения» омских событий, он выказал так, что дал вполне оправданное деянием омских черносотенцев. «Сибирь»,—заявляет Аргунев одну из своих информаций Директории,—деловой, сознательный и государственный (?) край. Если кто-либо виноват во всем совершающемся остром моменте и крайне власти и нежелание идти на уступки,—то это, и следовательно, пусть реакция эсеров, иначе говоря, «демократическая» областная Дума, борющаяся с произволом омских «государственных» черносотенцев.

48) Семинко—шуринский есаул забайкальского казачьего войска. В империалистической войне он командовал на казачьем фронте сотней Верхнеудинского полка, входившего в состав Забайкальской казачьей дивизии. Вместе с Дутовым принимал после февральской революции участие во Всероссийском казачьем съезде. Во время предармийства Керенский дезертировал Семинко на Дальний Восток для формирования казачьих антибольшевистских отрядов. В Харбине, где Семинко обосновался и откуда он послал приветствия Потаному и Сиб. Области. Думе, это и стала Октябрьская революция, «Возрожденцы» России, среди которых был и агент французского правительства П. Буржуа, снабдил после Октябрьской революции

Семенова средствами, на которые он и организовал свой «особый манчжурский отряд», выступавший в марте 1918 года против сибирского Совета. Несмотря на значительную поддержку средствами и людьми, которую Семенов получил от французов и особенно от японцев, советские войска, предводительствуемые энергичным Лазо, нанесли отрядам Семенова чувствительные удары, а в июле даже загнали эти отряды на Китайскую территорию. Положение Семенова спасли чехо-словаки, наступавшие с запада. Лишь в сентябре, после того, как Лазо увел свои войска в степи, ослабленные в утомных боях с чехо-словаками и семеновскими отрядами, произошло объединение Семенова с чехо-словаками.

После свержения Советов на Дальнем Востоке появилось много претендентов на власть. Одним из таких претендентов стал и Семенов, которого под свое покровительство взяли японцы, сразу заявившие, что при участии содействия Семенова им удастся выполнить на Дальнем Востоке свои хищнические намерения и империалистические планы. Когда же англичане, вопреки желаним японцев, посадили на сибирской диктаторской тропе своего ставленника Колчака, враждебно относившегося к японцам, те японцы сделали окончательную ставку на Семенова и предложили ему, как орудием для борьбы с Колчаком, против английской альянса. Эти обещания упорное игнорирование Семенова принять власть Колчака. Как Колчак не старался, но сломить этого упрямца ему не удалось. В конце концов Колчак счел себя вынужденным передать Семенову свои «верховные» полномочия (см. прим. № 36). Получив по телеграфу эти полномочия, Семенов, действительно, возмнил себя «великим человеком», которому судьбой предначинено стать «обновителем России».

Советской власти пришлось, после крушения колчаковщины, в течение чуть-ли не 3-х лет вести вооруженную и дипломатическую войну, пока ей удалось ликвидировать на Дальнем Востоке семеновщину.

Жестокость Семенова на Дальнем Востоке скомпенсирована немногими жестокими государственного имущества и драгоценного добра, многочисленными грабежами и жестокими расправами с населением. За усердную борьбу против советской власти, меркантильной интрижки Дальний привлекли Семенова «кавалером святого гроба господня» и наградили его «большим золотым крестом на александровской ленте с подлинной (?) частью животворящего древа господня». Дальневосточное население называет Семенова во знач, как «Крестником».

49) Дальний—тоже один из тех, которых Керенский делегировал на Дальний Восток для организации борьбы с большевиками. Но Калыкин—слова более великая, чем Семенов. Калыкин присвоил себе титул «атамана Уссурийского казачества» и занимался исключительно грабежом населения и кровавыми расправами с большевиками, которые перед смертью подвергались жестокой пыткам и мучительнейшим истязаниям.

50) Когда под угрозой, что немцы прорвут русский фронт, эвакуировали Петроград, то Военную Академию перевели в Екатеринбург.

Во время же чехо-словацкого мятежа часть слушателей во главе с начальником Академии Андрусовым была переведена в Казань, где она охотно сдалась в плен к белым. Тем же путем белые претаровали их, как «большевиков».

Что касается всего имущества Академии: библиотеки, карт, учебных пособий и т. д., то его захватили белые, когда заняли Екатеринбург. Белые сконцентрировали всю Академию в Томске. Когда же в 1919 году белым пришлось очистить Томск, то они эвакуировали Академию на Дальний Восток и обосновали ее на Русском Острове.

За время своего пребывания в Сибири вся деятельность Академии выразилась только в издании первого тома «Воспоминаний генерала-фельдмаршала графа Дмитрия Александровича Милюткина», который вышел в Томске в 1919 г. под редакцией Г. Г. Христианина.

61) Слишком туго было выражает свою мысль Боддирев. По всей вероятности, Боддирев хочет сказать, что борьбы с большевистскими направлениями населения «каждой группой» предоставлено было право арестовать суровые меры, с чем, впрочем, согласны были все члены Правительства. По словам В. Зензинова, Боддирев, выходя на фронт, сдал Н. Д. Алексинскому вопрос: вправду ли будет он принимать на фронте суровые меры, до расстрела включительно, против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций? Н. Д. Алексинский ответил ему утвердительно, и

его ответ затем единогласно подтвердили все остальные члены правительства (см. В. Зезанков «Государственный переезд адмирала Колчака в Омск» Парк., 1919 г., стр. 193).

52) Исключена действительная запись дневника, которая гласит так: «Дума выдала Исполком и повторяет замаяки Сводная».

53) Выбор резиденции неоднократно обсуждается. «След членов Учредительного Собрания» предвостановил, что Омск будет молнией для Директориа, и вслещи протавился перенесению резиденции в Омск. Алекситыну удалось, однако, из уговора, «Главным мотивом для подобного шага (переезда в Омск) Алекситыев выдвигает необходимость сокращения сибирского правительства, ибо только в этом случае Директориа сможет стать действительной властью и получить от двора Антанта прощение, деньги и оружие» (см. И. Майский—«Демократическая контр-революция», стр. 283).

Постановление о переезде в Омск «Журнала заседания Врем. Всероссийского Правительства» № 11 от 3 окт. 1918 г. зафиксировано следующим образом: «В виду настоятельной необходимости в правительственном аппарате для немедленной работы по управлению и необходимости в установлении тесной связи с Востоком—избрать временной резиденцией город Омск, с тем, чтобы в ближайшем будущем перенести резиденцию в Европейскую Россию».

54) «Дети петроградской бедноты и рабочих»—это те дети, которых в 1918 г., когда в Питере не было хлеба, советская власть переездила в хлебные места Урала и Сибири. Положение этих детей было, конечно, незавидное. Везде в конце-концов переизменили этих детей на Русской Остров, где дети были подвержены всевозможным лишениям. Родители, опасаясь за участь своих детей, сильно беспокоились. Советская власть, вынужденная уступать мольбам родителей, неоднократно обращалась к Колчакскому правительству с предложением вернуть этих детей в Питер. На одну из категорических требований получился от колчакского генерала Сахарова следующий ответ: «Дети будут возвращены тогда, когда вы уничтожите большевиков и восстановите Русь воцарию». В дело, однако, вмешался американский Красный Крест. Он пригрозил Колчаку вернуть детей, которые кружным путем—через Америку, Англию, Францию, Финляндию и были доставлены в Питер.

55) Ощущены слова дневника: «встреча царика».

56) Это был доклад об аресте Крутовского, Шатилова и других и об убийстве Новоселова.

57) Точная запись дневника: «Досадной фигурой».

58) После слов «был Савинков» в оригинале дневника сказано: «подписал ему чек на 100000 франков».

59) «Веленородины»—правые эсеры, т. е. именно эсеры, которые разделяли идеологию право-эсерской газеты «Воля Народа», издававшейся в Питере в 1917 году.

60) Булановский—финский товарищ министра финансов.

61) Фур, В. К.—генерал, приехал, как агент Корнилова, весной 1918 года в Сибирь с целью информации и для того, чтобы координировать действия сформировавшихся в Сибири подпольных организаций.

62) Ген. Муромо—представитель Японии в Омске.

63) Точная запись дневника: «трусое впечатление».

64) Устругов—министр путей сообщения. Не будучи в состоянии наладить в Сибирь расстроянное железнодорожное движение и не имея необходимых средств на закупку вагонного и паровозного состава, Устругов ухватился за предложение союзников взять под свое покровительство сибирскую железнодорожную сеть, не исключая, конечно, и Китайско-Восточной жел. дороги. Покровительство выразилось в том, что союзники сделали равновластными хозяевами всей железнодорожной сети. Союзники распределились движением и брали себе все доходы с дороги. Транспорта, однако, они и не пытались улучшить. После их ухода дорога осталась в еще худшем виде.

65) Точная запись дневника такова: «собственными силами мы едва ли справимся с деморализованными рабочими».

66) В оригинале дневника сказано: «представители явного монархизма».

67) После слова «обнаружила» опущены слова: «основательную политическую слепоту».

66) Вместо слова «деревя» в дневнике сказано: «кулигански».

У 69) Архановым, «моя» — крупный помещик, ярый монархист, играл видную роль в крайне правых кругах Сибири, главным образом, Омска.

70) Железнодорожная забастовка при самом возникновении носила экономический характер. Железнодорожники требовали увеличения заработной платы, нормировку рабочего дня и отмену сдельной платы, которую ввели для подкупа производительности труда. Забастовка вскоре действительно приняла политический характер, но в этом были виноваты «демократические» Директория и воюющая, считавшая, что в раз Директория бастовать могут только большевики, «соцдемократы», а потому и выходящие с места в карьер применять «крутые меры», как скромно выразился Болдырев, очевидно, не желавший знать, что происходил расстрел. Так, например, на станции Тайга были расстреляны два машиниста, отказавшиеся вести поезд.

71) Американская миссия Христианского Союза Молодых Людей работала в Сибири в 1918-19 г. г. в качестве благотворительной организации, стремившейся улучшить в тылу быт солдат отрядов интеллигентов в белой армии.

В 1917 году, когда Советов Штаты объявили войну Германии, организацией А. Х. С. М. Д. работавшие на Западном фронте, особым актом президента Вильсона были признаны частью американской армии. Задача Союза заключалась в том, чтобы предоставлять солдатам во время боевых перерывов возможность культурного отдыха. Союз организовывал клубы, кинематографы, кофейни вблизи боевых линий, с целью поднять боеготовность солдат.

Любопытно, что Христианский Союз, работая среди солдат всех стран, и занятая о религиозной пропаганде, ограничивалась лишь раздачей карманных священных, приходя к солдатским обиходу не только для чтения.

Русская черносотенная реакция с самого начала относилась к Христианскому Союзу враждебно. При царе Союз существовал в России неизвестно (Общество «Маяк»). После ирредентно-протокола деятельность Союза в России лишь после февраля 1917 г. «Красный треугольник» — знак Союза — появились в Сибири и в Поволжье вместе с армиями интервентных отрядов.

72) Вместо слова «хитрый» в дневнике сказано: «прехитрая бестия».

73) Как только закончились выборы на конспиративном собрании (см. примечание № 14), Дербер и некоторые его министры поехали в Харбин. В Харбине, между тем, находился Хорват, который сам знает был организацией «евросероссийской» власти и который, поэтому, не хотел признавать ни правительство Дербера, ни его «волюнтаристскую Областную Дугу». Дербер и его товарищи чувствовали себя в Харбине, как во вражеском лагере.

29 июня чело-словокам ассамблеи выступлением свергла советскую власть во Владивостоке. Дербер и его министры немедленно переехали во Владивосток, заняли дом Совета и объявили себе «Временным Правительством автономной Сибири» начали вести «журнал» своих заседаний. Из журнала мы узнаем, что социалистическое правительство сделало заем даже у монархиста атамана Семенова. В «Журнале» № 38 от 5 августа 1918 года запрогнозировано следующее:

СЛУШАЛИ: «Об ассигновании пятидесяти тысяч рублей в возврат полученной заемщиками военным министром от атамана Семенова ссужки».

ПОСТАНОВИЛИ: «Заем, произведенный военным министром А. А. Красовицким в июне месяце с. г. у атамана Семенова в размере пятидесяти тысяч рублей, утвердить. Ассигновать пятьдесят тысяч рублей военному министерству, предлоказ уничтожить долг атаману Семенову».

Как видно из журнала, Союз сибирских кооперативных Союзов «Закусобство» усердно сужал автономное правительство деньгами. Автономное правительство находило даже своих дипломатических представителей в Токио и Вашингтон.

Во Владивостоке правительство Дербера поддерживала Областная Земская Училища, состоявшая из таксоном асеров, как и сам Дербер, и чело-словоками, не успевшие еще разобраться в создавшейся обстановке.

Вскоре, однако (21 июля), Дербер, которого черносотенцы избрали министром для границы наладку и которого они выбрали и без всякого основания объявили в прокуратуре, сложил свои полномочия, как председателя Совета министров, удержав за собой портфель министра иностранных дел и министра земледелия. Лагочка же Совет министров избрал в председателем.

Между тем, во Владивосток приехал со своим «Деловым кабинетом» Коргалов оскаривать у автономного правительства свое право на власть.

Дерберу удалось убедить чехо-словаков, что для предотвращения гражданских войн во Владивостоке, следует разоружить русские отряды Корвата. Чтобы разрядить атмосферу, основные миссии предложили Коргалову договориться с автономным правительством по вопросу о власти.

Совет министров сорвал переговоры, заявив, что он не промолчит и в переговоры, но только не с Временным Правительством Коргалова, а с членами Дельного Кабинета, как с представителями цинковых элементов, поскольку последние не возразили против их вхождения в состав Временного Сибирского Правительства («Журнал» № 40 от 10 августа).

Борьба между обоими дальневосточными правительствами, несомненно, приняла бы более острые формы, если бы друг не стало известно, что сибирская магистраль тоже в руках белых, что в Сибири имеется уже Сибирское Правительство и что глава этого Правительства, Вологодский, едет на Дальний Восток.

Сибирская Обл. Дума, узнав, что Вологодский пытался договориться с Дербером, решила послать к Дерберу свою делегацию, чтобы с своей стороны, информировать о положении дел в Сибири. По распоряжению Вологодского, эта делегация была наскоро сформирована в Иркутске и возвращена в Томск. Этот поступок Вологодского и послужил одной из причин, побудивших Областную Думу, которая думала, что делегация возвращена по распоряжению Михайлова, ликвидировать Административный Совет и усилить состав правительства эсерам Новоселовым (см. примечания №№ 40 и 41).

С Коргаловым Вологодский быстро договорился. Не особенно трудно было человеку адресату Вологодскому означать Дербера, который совершенно не был в курсе сибирских событий и не знал даже в том, что как раз в это время Областная Дума вводит борьбу с Сибирским Правительством. Обо всем этом он узнал лишь после того, как объявил свое «министерство» распущенным. «Мы видели чорт знает что: дали власть как раз, когда столкнулись Дума и Правительство Вологодского—так, будто бы, по словам Гинса, сказал Дербер Лаврову после того, как они узнали, что из Вологодский ловко перекутирал. Так именно и артистично свое существование оперативно автономное правительство Сибири—правительство Дербера-Лаврова.

74) Точнее запись дневника: «После информации, на которой еще архе образовались довольно пренебрежительное к нам отношении сибиряками».

У 75) Андроский вместе со многими воспитанниками Академии генерального штаба, начальником которой он был, сдался белым в Казани. В Омске, как это видно из записи дневника, опущенной в тексте книги, Андроский рьяно начался «мажестром ордена офицеров генерального штаба». Андроский известен, как большой интриган.

76) Шмелев, В. Р.—секретарь Болдырева.

77) Ноке, генерал—стоял во главе английских войск, прибывших в Сибирь. В его лагере прибыл в Сибирь Колчак. Именно Ноке является главным виновником телесного переноса 18 ноября, осуществившего Сибирь диктатором-Колчаком.

Ноке устроил на Русском Острове военную школу на 500 офицеров и 1000 солдат, чтобы подтянуть из них кадр будущей армии. Этой школе, которая содержалась, конечно, на английские средства, Ноке вручил знамя с надписями: «Возрожденный русский армия от Фриманковой армии» и «За веру и спасение роины!»

Закончилось, как «высший комиссар», английскую миссию в Сибирь. Из первой же беседы с Жанетом Александером внес убеждение, что Англия не отзовется благосклонно к Директории.

78) Сахаров, Н. В.—по поручению Денкина пробрался через советский фронт на Урал для установления связи. Оставшись в Сибири, получил назначение на Русский Остров организовать ту военную школу, которую строил Ноке.

Весной он приехал к Колчаку с докладом. Колчак оставил Сахарова при себе на должности генерала для поручений. Вскоре Сахаров был назначен начальником штаба западной армии, а затем командующим этой армией. После отставки Дитерихса, Колчак назначил его главнокомандующим восточными фронтами. Но на Табале окончательно выявили всю неспособность Сахарова занимать чужой-заблуды ответ-

отвешный военный командный пост. Подчиненные ему генералы, как, например, Пенелез, отказывались выполнять его боевые задания.

На станции Тайга, где стоял поезд удержанного Колчака и куда Сахаров выехал с докладом, братья Пенелезы, не добавившие от Колчака записки Сахарова Дитерихсом, арестовали Сахарова, и хотели отвезти его в Томск на суд и расправу. Но, узнав, что приближается армия Каппеля, Пенелезы струсили. Сахаров, сдав главное командование Каппелю, отступил со своим отрядом на Дальний Восток, предавая известной «последний выход».

Сахаров, которого Колчак возвел в чин генерал-лейтенанта, прил монархист, был глубоко убежден, что Колчаковщина рухнула только потому, что играла в демократию, а не шла открыто с призывом «За веру, царя и Россию».

На Дальнем Востоке Сахаров принял власть «доблестного» Семнова и принял активное участие в военных операциях, направленных Семновым против советской армии. Но когда на Дальний Восток прибыл генерал Пенелез, которому поручено было организовать «партизанскую дивизию имени народного героя генерала Пенелезова», Сахаров счел это за личную обиду и оскорбление, а потому оставил службу и уехал за границу. Там на досуге он написал книгу «Белая Сибирь» (Москва, 1921 г.).

79) Михайлов, Иван — сын известного народолюбца Михайлова — приобрел себе в Сибири кличку «Ванька Каин». И не без основания. Михайлов был в Сибири княжонником всех политических убийств и выдающимся мастером дуэльных трюков. Он был главным проводником черносотенно-монархической идеи. Его именно и считают «злым гением» Колчака.

В руках Михайлова находился портфель министра финансов.

80) Гинс, Г. К. — был профессором омского Сельско-Хозяйственного института. Политикой начал заниматься после свержения первой советской власти в Сибири. При Колчаке занимал пост уполномоченного делами Совета министров и был председателем Государственного Экономического Совета. В Колчаковщине Гинс был ближайшим соратником Михайлова и его единомышленником и оставал, поэтому, по себе такую же память, как и Михайлов.

Гинс написал двухтомный, заграничной изданий, труд: «Сибирь, созданный и Колчак». Гинс уверяет, что писал эту книгу «с полной откровенностью и безжалостностью к себе». В действительности же Гинс всю книгу писал с исключительной целью, чтобы обелить себя и своих единомышленников, вроде Михайлова и других проходивших, и всю вину за все колчаковские зверости и преступления кавалить на плечи других.

81) Давыдов, генерал — во время мировой войны работал в одном из штабов действующей армии, командовал в 1918 г. белыми войсками при наступлении на Казань, при Колчаке занимал одно время пост военного министра.

82) Опушены слова: «Меня просто бесит».

83) В виду того, что эта «концепция» нигде опубликована не была, не лишним считаем привести ее полный текст. Приводим дословно без всяких изменений или исправлений стилей:

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я сделаю все, что в моей власти, чтобы оказать помощь Русскому Правительству в деле формирования Русской Армии на следующих условиях и конкретных условиях:

1. Новая Русская Армия должна быть настоящей Армией под полным Офицерским контролем. Она должна быть без Комитетов и Комиссаров. Ни офицеры, ни солдаты не должны вмешиваться в политику.

2. Должна быть одна Русская Армия. Русское Правительство должно требовать от свободных представителей соглашений, что вся военная мощь будет дана только русскому правительству, но не разным русским военным начальникам, как, например, Семнову и Калыкову. Войска генерала Хорвата должны быть расформированы.

3. Все назначения и производства офицеров должны производиться Верховным Главнокомандующим.

4. Германским и Австрийским военнопленным сейчас разрешается делать все, что они захотят. Каждый немецкий офицерский «батальон» имеет 100 немцев в ка-

частые походы, прислуги и конюхов, каждая рота немобильцев имеет три повозки повара для приготовления русских щей для русских. Настоящее положение, если оно было бы известно в Англии, вызвало бы бурю возмущения. Все военнопленные и славянские военнопленные должны быть захвачены и охраняться в лагерях для военнопленных. Было бы гораздо лучше, если эти лагеря были бы расположены в Забайкалье, или на Дальнем Востоке, где Американские или Японские войска могли бы их охранять.

5. Отдельное замечание подается относительно положения на Томской и Омской железной дороге. Положение на Забайкальской железной дороге как будто еще хуже. Если меры не будут приняты немедленно, что бы заставить рабочих в мастерских работать самым энергичным и добросовестным образом, число товарных поездов уменьшится весной до 4-х пар в сутки, помощи Союзникам и военные действия будут не возможны. Мастерские должны быть заставлены работать.

Большое количество вагонов занято офицерами и их семьями, безнадирами и войсками в глубоком тылу. Например, войска генерала Коррета занимают всевозможные сот вагонов, которые они отказывают освободить. Полковник Селенко живет в поезде в Чите, несмотря на то, что в городе избито помещиком Атаман Калмыков живет в поезде в Хабаровске. Чешская рота в Красноярске живет в вагонах. Все эти вагоны должны быть немедленно освобождены, и если для безнадир нет достаточно помещений, то должны быть построены бараки.

6. Большое разочарование для союзников, которые стараются помочь России восстановить ее силу, что русские войска так долго не могут сговориться относительно состава Временного Правительства.

Мы имеем право требовать, чтобы все личные и партийные интересы были бы устранены и сильное правительство сформировано, которое бы не представлявало в создании армии для спасения России.

Верховный Главнокомандующий русскими
вооруженными силами Ген.-лейт. **Балдырев.**

А. В. Мина.
Генерал-майор.

24 октября 1918 г.

83) Не зная, послано ли было «обращение», но проект сохранился. Ввиду того, что он представляет некоторый интерес, приводим его здесь полностью:

«Вопрос, скорейшее разрешение которых Союзными державами является крайне необходимым для успеха создания Русской Армии в Сибири и на Дальнем Востоке, а равно и на других территориях, ныне освобожденных от власти большевиков.

1. Успешное создание Русской Армии возможно лишь при условии высылки над ней самостоятельного единоначалия в лице Русского Генерала, в распоряжение которого Союзные державы и передают все виды оказываемой ими России военной помощи.

Таким полномочным лицом с правами Верховного Главнокомандующего для войск Сибири, Дальнего Востока и других территорий, ныне освобожденных от большевиков, Временным Российским Правительством назначен Генерал-лейтенант **Балдырев.**

Через Временное Всероссийское Правительство Генерал **Балдырев** является избранным всех тех Правительства Сибири, Урала и др. казачьих войск, общественных групп и политических партий, которые были представлены на Уфимском Государственном Собрании.

Полное признание Союзными державами прав Генерала **Балдырева**, как Верховного Главнокомандующего всех Российских войск Сибири, Дальнего Востока и других территорий, ныне освобожденных от власти большевиков, является настоятельно необходимым, так как только при одном командовании и руководстве возможно формирование армии и управление ее действиями на фронте.

2. Для русского народа и его Правительства совершенно неизвестны и несомы намерения и планы Союзных держав, призвавших свои войска через порт Владивосток и ж. д. ст. Чань-Чунь в пределы России.

Согласно заявлениям союзных держав, ими посланы войска с целью оказать России такого рода помощь, которая была бы допустима и принята самим русским народом.

Помощь эта будет выражаться, по мнению Союзников, прежде всего, в предоставлении самим русским создать национальную сильную Армию, необходимую для спарожения на германо-большевизма и обеспечения свободного установления Государственной власти в России.

Для успеха борьбы с главным общим врагом—Германшею Союзные Державы считают желательным скорейшее восстановление Русско-Германского фронта и в этих целях им выдвинуты уже чехо-словацкие войска в район Поволжья.

Такова сущность намерений интервенции Дружественных России Держав, обозначенных ими Русскому народу в своих декларациях.

Фактически же, кроме чехо-словацких войска и Английского батальона Полковника Вурда, ни одна войсковая союзная часть после очищения Приморской и Забайкальской областей и линии Сибирской ж. д. от Германо-большевиков, не двинулась дальше для непосредственной борьбы в Поволжье с наступающими Германскими и большевистскими войсками.

В настоящее время Японские войска несоразмерно с обстановкой большой численности заняли целиком все бывшие казармы Русских войска вдоль Востока-Китайской и Забайкальской ж. д., а равно и в наиболее важных городах, создав, таким образом, препятствие успеху производства набора Русских новобранцев и формирования Русской армии.

Крайне желательно полное освобождение Русского высшего командования от целых рядовых действий союзных начальников и совместное разрешение в будущем вопросов, касающихся величины гарнизонов от союзных войска в Русских городах и населенных пунктах.

3. Ввиду целого ряда недоразумений, вызываемых столкновениями между членами союзных держав (преимущественно Япония) с местным русским населением, препятствия, чинимые союзными начальниками передислокации Русских войска и исполнению ими приказов своих Русских начальников, случаев даже ареста Русских членов союзников во время исполнения ими службы, необходимо при каждом отдельном отряде союзных войска или гарнизона иметь особо уполномоченных Русских офицеров, которые и являлись бы ответственными ближайшими помощниками старших союзных начальников в сношениях союзных войска с Русским населением и Русскими войсками.

4. Чтобы действия этих офицеров были бы вполне обфенными, желательно назначать одновременно при таких отрядах и гарнизонах, кроме Русских офицеров, и по представителям от одной из Дружественных держав, войска которой в составе отряда нет.

5. Общим представителем для сношения Русского Верховного Главнокомандующего с высшими представителями союзных армий в России назначен Генерального Штаба Генерал-Лейтенант **Романовский**.

6. Ввиду некоторых особенностей организации Чехо-словацкой армии и существовавшей до сего времени некоторой неопределенности взаимоотношений Чехо-словацких и Русских начальников, имели место иногда некоторые шероховатости в этих взаимоотношениях, вредно отразившиеся на успешном ходе дела, в потому необходимо, чтобы старшие военные представители союзных держав и особенно представители Франции определенно высказались за установление этих взаимоотношений или более отвечающих успеху борьбы с Германо-большевизмом и успеху создания в России одной сильной армии.

7. Перечень средств, необходимых для формирования Русской армии, которые желательно было бы получить от союзных держав.

8. Перечень продуктов и товаров, необходимых для удовлетворения важнейших нужд населения: зерна, сахаров, машины, различного рода аптекарского продукта.

9. **84) Моссеико, Борис Николаевич**,—видный эсер, был членом боевой организации, принимал активное участие в убийстве великого князя Сергея Александровича. В Омск он приехал, как секретарь «Съезда членов Учредительного Собрания». 24 октября 1918 года он бесследно исчез. Впоследствии выяснилось, что Моссеико, когда он вышел из Коммунистического клуба, неожиданно окружил вооруженные маскленые усатки его в подкаданной автомодили и увезли на конспиративную квартиру, где ждали над ним, как над эсером, и где подвергли его жесточайшим пыткам, требуя, чтобы он указал, куда скрываются принадлежащие «Съезду» деньги (в распоряжении

Монсенью «Суд» передал три миллиона рублей). В конце-концов военные задумали Монсенью, а трое бросили в Иртыш.

85) К тому времени уже успела образоваться военная организация, поставившая себе целью «ликвидировать» членов Учредительного Собрания. Начала было положено убийством Монсенью.

86) «Я молчал», «Демократ» Болдырев «красноречиво» молчал, когда нужно было говорить, ибо уже очевидно была, что надвигается реакция. Болдырев «молчал», когда даже кадет Виноградов считал своей обязанностью «говорить» и поддерживать лично Александрия. «Молчал» же Болдырев потому, что вопросу о районе Сибирскому предшествовал его разговор с Ноксом и Спасским, а последний довольно откровенно намекал, что тот русский генерал, «которому доверяют союзники». «Это было первым искусством. Я отвелся к слову свободно»,—говорит Болдырев (см. 82 стр. текста), уверенный, что именно его дилемме нетет и российский диктаторы. Рад была такая уверенность, а вместе с тем и желание диктаторствовать, то оставалась только «молчать», чтобы вскоре свалить демократию.

87) Когда Вологодский на Дальнем Востоке договаривался с Хорнстом, он подписал оставшееся неопубликованным обязательство, второй пункт которого гласит:

«Управление Дальним Востоком должно быть централизовано и во главе управления должен быть поставлен, в качестве генерального комиссара, генерал Хорнст».

Вот это обязательство Вологодский и выполнил, добившись издания закона об учреждении на Дальнем Востоке Верховного уполномоченного и о наложении на этой должности Хорнста.

Этот закон не мог, конечно, нравиться Болдыреву, который в конвенции с Ноксом и в своем обращении к союзным державам (см. примечание № 81) требовал права и на Дальний Восток.

88) Александровская тюрьма—пригород Омска.

У Жардеева—кадет, адвокат, в Омске принимал участие в антисоветском движении с самого начала Октябрьской революции. После чекистского переворота был первым, кто начал проповедовать применение военно-полевых судов для большевиков. Жардеев возглавлял в Сибири крайние правые круги и был идеологом черносотенного контр-революционного движения. В 1920 году являлся негласно в Иркутске, где был арестован, привезен в Омск и казнен.

89) Известо слово: «Чернову мы знаем цену» в дневнике сказано: «Чернова мы так же презираем, как и вы».

90) Описаны следующие слова диктатора: «Пал так чуж. В 10 поехал в Иркутск. Александров и Зенкин сидели в кабинете у Крулякова, повидимому, сильно где-то уезжающего. Мне удалось противно, ушел к себе в кабинет. Круляков А.—управляющий делами Директории».

91) Описаны слова: «Все где хмельной».

92) В дневнике сказано: «Видно, это отпечаток психологии народа».

93) Гревс, В. З.—петроградский нотариус. В 1918 г. Гревс решил эмигрировать. По дороге в Америку он застрял во Владивостоке, где Вологодский пользовался его услугами в качестве переводчика при переговорах с союзниками.

Деятельность Гревса прошла совершенно незаметно в Сибири. При Коллине Гревс проживал в Японии, исполняя дипломатические поручения колониального правительства.

94) Последняя фраза записки в дневнике так: «Я обещал и рекомендовал им говорить в частном порядке, или не касаться армян».

95) Система эта была принята постановлением Временного Сибирского Правительства от 15 июля 1918 года и предусматривала 5 корпусных районов и округов: 1) Уральский (Челябинск); 2) Степной (Омск); 3) Средне-Сибирский (Томск); 4) Восточно-Сибирский (Иркутск) и 5) Приморский (Хабаровск).

Для хранения государственного порядка и общественного спокойствия в корпусных районах учреждена была сеть особых начальников. Преобладали, таким образом, военные управленцы.

96) Как видно из протокола этого заседания, первый пункт вызвал оживление Гревса. В частности, Александров был против выделения слов «на областные представ-

вительные учреждения», вокруг которых, главным образом, и происходили прения. Болдырев держался точки зрения Вологодского и других.

Болдырев говорит, что этот акт — «крупная победа, достигнутая исключительно авторитетом Прислельства», — но только же Директория, следует добавить.

97) После выбора Директории Кокуца, выехавший в Екатеринбург и преобразованный в «Союз Членов Учредительного Собрания, сохранив, правда, в сильно измененном виде свой «Совет управленцев», который находился в Уфе и во главе которого, как Уполномоченный Директория, стоял Заменинский. «Совет» этот временно управлял территорией Кокуца. Тот акт, о котором говорил в предыдущем примечании, уразднил, конечно, и это иллюзорное областное правительство.

98) Описана следующая записка: «Пришлось сделать резкое замечание полковнику Шепиляну, пожаловавшему мне по аппарату, как доброму знакомому, «Добрый вечер».

99) Эти слова указывают на то, что Болдырев уже тогда придерживался чисто классового ориентира. Что же касается Колчака, то, в конце концов (см. прим. № 36), и он вынужден был ориентироваться на классы.

100) Состав нового Совета министров был следующий: Колчак — военный и морской, Ключников — иностранных дел, Саложников — народного просвещения, Старожилов — юстиции, Устругов — путей сообщения, И. Михайлов — внутренних дел и Шумиловский — труда.

101) Дженс-Уорд — бывший рабочий, «средний» социалист, член «рабочей партии». Во время империалистической войны Уорд пошел в армию, получил чин полковника и командовал 2-м батальоном Мидльсекского полка. Вместе с этим батальоном он и прискал в Сибирь. «С ним больше хлопот, нежели помощи от него» — говорит Болдырев, но Колчаку Уорд оказал много помощи и много услуг. Это его заслуги командовали над каждой уланьей, которая вела в походе русскую главную квартиру, когда в декабре произошло в Омске восстание, проведение всех командирских в большом количестве. Мидльсекские стрелки Уорда были всегда готовы выступить на защиту Колчака.

Уорд написал книгу «Словная интервенция в Сибирь», в которой он подробно описывает свою деятельность в Сибири и в которой поэт хлебные главы Колчаку, осуждая союзников, допустивших казнь Колчака.

102) Эта фраза в дневнике записана так: «Эти умишки ничему не научились и качкают свое предательское рабство снегу».

103) Брешко-Брешковская, Е. К. родилась в 1847 году. Участвует в революционном движении с 1873 г., а в 1878 г. по процессу «183» получила 8 лет каторги, которую отбывала на Каре. Вернулась из Сибири в 1896 году. Она снова начала принимать активное участие в революционном движении, и как ярая сторонница политического террора, в 1902 году примкнула к эсеровской партии, членом Ц. К. которой неоднократно состояла. После февральской революции Брешковская заявила эсеровской партии крайне-правый фланг, и как ярая противница советской власти, ушла после октябрьского переворота в ряды контр-революции. За свою прежнюю революционную деятельность Брешковская прозвана «Бабушкой русской революции», за деятельность же по подготовке чехо-словацкого антисоветского фронта сибирские контр-революционеры прозвали ее, когда она летом 1918 г. прискала в Сибирь, «бабушкой чехо-словацкого войска».

104) Описаны слова: «Сильно, видно, страдает бабушка за родную землю. Крамь ее бор!»

105) В развитии «грамматки», о которой говорится на стр. 90, сибирское Правительство вынесло следующие постановления:

«В виду связанного с передачей власти Временному Всероссийскому правительству и прекращением существования Сибирской областной думы, учредить особую комиссию по выработке законопроекта о выборах во Всероссийский представительный орган и передать этой комиссии все материалы, имеющиеся по этому вопросу в Сибирской областной думе».

Как видно, роспуск думы был предпринят. Но глубокомысленный Авксентьев думал, что он перехитрит и умиротворит сибиряков, и, уступая ему, правительство согласилось на конерую самороспуска.

Встреченный при своем возвращении овациями, Авксентьев, как курсивом отмечает отчет заседания, «слонит с трибуны при всеобщем молчании». О каком же таком «большом плахе» может быть здесь речь?

106) Этот перебежчик — Ковалевский.

107) Действительно запись этого места такова: «Гермически боролись, но наказаны и погибли от того же ада, который с такой злойностью жестокоостью превалил России».

108) *Петелзев, Анатолий Владимирович*. — брат Виктора Петелзева, колчаковского министра иностранных дел, расстрелянного одновременно с Колчаком Отличий Павловское военное училище, Петелзев в чине поручика отправился во время мировой войны в действующую армию. Он отличился во многих боях, был награжден георгиевским крестом и возведен в чин полковника. В начале 1918 г. он вместе со своей военной частью приехал на отдых в Томск. Прибыл он в Томск как раз к тому времени, когда тамские большевики устанавливали советскую власть. Войска Петелзева были разоружены и распущены, при чем Петелзев не оказал никакого противодействия этому распуску.

Петелзев добивался у томского Совета назначения на должность команданта города, но ему было отказано. Весной 1918 г. Петелзев стал во главе томской эсэро-офицерской подпольной организации. Он подготовил захват Томска и руководил контр-революционным восстанием в Томске 28 мая 1918 г. Как только советская власть в Томске пала, Петелзев немедленно приступил к организации отрядов вояжеров для отправки их в помощь чехо-словакам. Вскоре ему дали чин генерала и поручили формировать, а затем и командование Средне-Сибирским корпусом, который действовал в Пермском направлении. Петелзеву было тогда 27 лет. Между ним и Гайдой сначала были напряженные отношения. Одна, как видно, мешал другому, оба спорничали 29 июля 1918 г. Петелзев передал Гришину-Алмазину из Иркутска шифрованную телеграмму такого содержания: «Категорически заявляю, что полковнику Гайде в смысле преданности Временному Сибирскому Правительству верить нельзя». Впоследствии, однако, Петелзев изменил свой взгляд и наладил хорошие отношения с Гайдой.

Петелзев единственный генерал, который не ввел в своей армии погон. Его армия в Колчаковом считалась демократической. Петелзев не принимал ни к какой политической партии, но был заражен некоторой долей сибирского областничества. Ему был чужд военный монархизм, но, тем не менее, он изначально признал Колчака, ибо не хотел портить карьеры, так как ему тогда казалось, что вот-вот он первый войдет со своей армией в Москву. Когда же на восточном фронте началось отступление колчаковской армии, что уменьше волею неспособность Колчака управлять областью и наладить победу, Петелзев начал становиться к Колчаку в оппозицию. Именно в армии Петелзева гнездилась та, сформированная офицером Калашниковым, военная организация, которая летом 1919 г. подготовила переворот, намеренная на место свергнутого Колчака посадить Гайду.

Петелзев неоднократно обращался к Колчаку с просьбой созвать в Сибири «Земский собор». Когда Колчаке находился в бегстве на восток, то Петелзев вместе со своим братом возмел даже намерение насильно свергнуть Колчака.

Очутившись на Дальнем Востоке, Петелзев и там занялся формированием отрядов для борьбы с советской властью. Осенью 1922 г. Петелзев совершил набег на Якутию. Этот набег был сделан на средства американских промышленников, повелевших выловить скунзы в Якутия пушнину. Во время этого набега, стоявшего много женщин и аринского советской власти много убитых, Петелзев был взят в плен Красной армией. В плену Петелзев раскаялся, и 18 июля 1923 г. обратился к своим бывшим соратникам — офицерам и солдатам — с просьбой сложить оружие и прекратить борьбу с советской властью.

Суд приговорил Петелзева к смертной казни. ВЦИК амнистировал Петелзева и заменил приговор десятилетним заключением.

109) Тот батальон, который Петелзев, идучи на фронт, демонстрировал Бодыреву, состоял, главным образом, из прапорщиков и низших чинов бывшей царской армии.

110) Бодырев преувеличивает численный размер красных частей и не принимает во внимание качественную сторону. Бодырев совсем не принимает в расчет, что в рядах белых стояли офицеры, прапорщики и опытные командиры, и упустил из вида, что среди командного состава Красной армии находились также командиры, главным образом, военные из бывшей царской армии, которые играли на руку белым.

111) Воткинцы и ижевцы—так называются белые военные части, составившиеся из распространгандированных рабочих Воткинского и Ижевского заводов. Эти отряды были хорошо вооружены и составляли мощные боевые единицы, храбро сражавшиеся под командой Колчака, с которым и совершили отступление на Дальний Восток, где впоследствии почти все распалось и преданное советской власти.

112) Болдырев уверяет Директорию, тогда как в действительности он сам стоял за то, чтобы применены были к забастовщикам суровые меры.

113) Хотя часть дневника—от 18 ноября по 27 ноября включительно—наст в книге характер записной записки, но в действительности, как это видно из особой отметки на дневнике, эта часть была написана автором позднее, когда он уже находился в Токио.

114) Эти «единственные лица в военной форме» были красильниковские головорезы-офицеры, которые шли под командой войскового старшины Волкова. Арест произошел в воскресенье 17 ноября на квартире Роговского, которая помещалась в здании ведомства государственной охраны. Это здание обычно охранялось усиленными патрулями отряда Роговского, удерживающего его винтовки часть, вернее его помощник, состоит из людей «вырванных» и «преданных» Директорией, из людей, на которых Директория может надеяться, как на «козьюную горю». Тем не менее эти «храбрые» патрули сложили оружие и разбежались при первом появлении и по первому требованию красильниковцев. Насколько эти части были преданы Директории, видно из следующего факта: на следующий день к ним в казарму явился сам Красильников, сообщил им о свержении Директории и назначении Колчака диктатором и сказал: «Кто хочет служить Колчаку—пусть останется, кто не хочет—пусть уйдет». Но всем отряде явился только один преданный Директории, который и ушел, а все остальные пошли служить Колчаку.

Войдя в квартиру Роговского, красильникицы застали там Роговского, Алексантьева, Зенинкова, а также прибывшую из Архангельска делегацию северного правительства—трех человек: Я. Т. Дедученко, С. С. Маслова и М. А. Лихача.

Как видно, северские фракции—Старинского правительства и Директории—информировали друг друга о положении дел.

Не интересуясь близкими, красильниковцы озабочились только арестом Алексантьева, Зенинкова и Роговского. Арестованные были выведены на улицу, где, по словам Алексантьева, их «ждало около 300 вооруженных человек, часть из которых сидела бердами на лондажах». Арестованных силой посадили в грузовой автомобиль и отвезли в штаб казачьего атамана Красильникова. В штабе арестованный Аргунов уже похвастал своих товарищей по несчастью.

Во вторник к арестованным пришел от имени правительства начальник штаба Красильникова, капитан Герке, который сообщил им о командирском перевероте и предложил на выбор: арест или вооруженная аграрщина. Пока арестованные обдумывали, на что решиться, к ним пришел министр юстиции Старинский, который, наизусть записавшись бесновидством, сказал, что весь арест недоразумение, что арестованные совершенно свободны. Весь арестованным доставили на квартиру Алексантьева, поставив «для безопасности» около дома усиленную охрану.

На следующий день на квартиру Алексантьева пришел в сопровождении офицеров Старинский, который заявил, что, по распоряжению Колчака, он снова арестованы и если они не желают находиться в тюрьме, то могут быть выславы за границу. В последний случай они должны быть готовы к отъезду немедленно.

Вскоре к арестованным явился товарищ военного министра Хоронихин и уполномоченный министерством иностранных дел Ключников, которые, как утверждает Алексантьев, по приказанию Колчака, потребовали от арестованных «выдвинуть следующие обязательства»:

1) Будучи высланы за границу, мы обязуемся не возвращаться в Россию, пока не будет образовано Всероссийское правительство и пока Россия не будет очищена от большевиков.

2) Мы обязуемся не заниматься никакой политической деятельностью.

3) Мы обязуемся не вести за границей никакой агитации против Колчака.

Не добившись подписей Хоронихин и Ключников ушли, но вскоре «вернулись, заявив, что все это было недоразумением, что не требуется никаких подписей, но что через два часа все будет выславы за границу».

«Нас посадили в автомобиль,— рассказывал потом Анисетьеся одному американскому журналисту,— окружили отрядом конных, отвезли на железн.-дор. вокзал и поехали в поезд. Нашу охрану составляли — 15 офицеров отряда Красильникова, около 30 солдат, отряд пулеметной команды и 12 английских солдат с офицером. Последние были присоединены к отряду, так как мы настраивали на международных границах нашей безопасности. Когда поезд тронулся, офицер—начальник конвой—показал нам инструкцию Колчака, в которой говорилось, что мы должны содержаться под строжайшим арестом и не иметь никаких сношений с внешним миром. В случае попытки к побегу или при попытке освободить нас конвоем, мы должны быть расстреляны на месте. Через шесть дней мы достигли китайской границы и были выпущены на свободу».

В заключение, нам остается только добавить, что по распоряжению Колчака каждому из высланных были выданы на расходы 50 тысяч рублей, а Аргунову, обрешенников семье 75 тысяч рублей.

115) Вот точный текст письма к Колчаку и приказа войскам по оригиналам, которые хранятся в Сибархиве:

«Ваше высочайшевосходительство
вннственный государь
Александр Васильевич!

Не считая возможным при сложившихся обстоятельствах находиться более на территории Сибири, я решил в своем неопределительном премеии высказать заграницу, и затем на Украину. В виду этого прошу распоряжения:

1) О передаче по телеграфу прилагаемого при сем официального обращения моего к войскам и опубликования его в печати. Обращение это объяснит бывшее до сих пор молчание с моей стороны, имевшее целью сокращение спокойствия на фронте.

2) О выдаче мне и сопровождающим меня лицам: секретарю Г. Шеллингу, адъютантам ротмистру Гуквицкому, штабс-капитану Васильскому и обер-офицеру для поручения корнету Томанцеву заграничных паспортов.

3) О выдаче причитающегося мне и лицам, меня сопровождающим, содержания за ноябрь месяц и двудесятидневного содержания, применительно к закону для лиц, оставляющих службу.

Если бы вы позволили выслушать мою более подробную характеристику положений на фронте и оценку настроений политических кругов в прифронтовой полосе в связи с происшедшими событиями, я охотно это исполню.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Омск 21/XI 18

Готовый к услугам В. Болдырев.

«Главнокомандующему, Генералу Дутову, Командарм Сиб.

Уходя из рядов доблестной армии, навсегда помнить, что будущее России на фронте и в создании единой сильной, боеспособной армии. Будет прощен фронт и крепка душой армия—будет обеспечено и освобождение великой России.

Прошу передать всем офицерам, солдатам и казначейству мою признательность за их доблестные и великие труды.

Главнокомандующего генерала Сырвого прошу передать мой братский привет доблестным чело-словикам за их незабываемую помощь России.

21 ноября, Омск.

Генерал-Лейтенант Болдырев».

116) Точная запись дневника: «Хмель из стаи».

117) Точная запись дневника: «Рожа веселая».

118) Точная запись дневника: «Сегодня номаи изменил и низкая бестактность».

119) Опуцены слова: «Прощаясь, я сказал, что в тяжелую минуту я, не принимая участия в правительстве, от командной роли не откажусь».

120) Какая «законная власть», о какой «преступственности» говорит Болдырев? Ведь даже та история, которую пишет Болдырев, не дает оснований считать Директорию «законной» и еще менее «преступственной» властью.

121) Утверждать, что при Директории да и вообще когда либо население Сибири было социально и политически довольно однородное— по меньшей мере нелепо.

122) «Люди, составившие Директорию, пытались обойтись без расстрелов и казней, не хотели особенно злоупотреблять в тюрьмах... Неправда! Расстреливали — да еще как! Тюрем же были переполнены, но кто? — не мародерами тогда, а большевиками».

123) Болдырев ставит в актин Директории и такие «доблести», которые проинимать не по его вине. Ведь это будущие коллекционеры заставили Директорию добиться «добровольного самороспуска» Сибоблдумы и «самоупразднения областных правительств». Директория, говорит Болдырев, «расширила свое влияние за пределы ее территории». Чуж! Никакого влияния у нее не было, иначе ее бы поддержали. Что же касается территории, то она была «столь обширна», что для «чужаков Директории и ее учреждений не нашлось даже в Омске адекватного жилого помещения, а только этины помещенными и ограничивалась территория Директории».

124) Атаман Семенов (см. прим. № 48) солидаризировался с переворотом, но заявил, что согласен признать верховным правителем Деникина, Хорвата, даже Дубова, только не Колчака, с которым у него были личные счеты.

125) Унгерн-Штернберг, барон-авантюрист, во время мировой войны был исключен из действующей армии и сослан на жительство в Томск, где пробыв до февральской революции. Одновременно с Семеновым Унгерн командирован был Кренским на Дальний Восток для формирования антибольшевистских отрядов. Особенно большие размеры приняла его контр-революционная деятельность с лета 1920 г., когда он со своим отрядом утвердился в Маньчжурии, откуда совершил неоднократные грабительские набеги на советскую территорию. Одно время Унгерн пользовался поддержкой маньчжурских властей. В 1922 г. Унгерн был взят в плен и приведен в Новоколлазевск, где суд вынес ему смертный приговор, который и приведен был в исполнение.

126) Омушцын сказал: «И что теперь готов вернуться на пост верховного главнокомандующего и что пусть об этом позаботится правительство».

127) Вместе последней фразы в дневнике записано: «Вот и великодушно, напоминая Омску, чтобы он больше думал о пользе дела, а не о переворотах».

128) Конца этого отрывка слышит на дискуссию так: «Встречено это проваление «твердой» власти скорее болен, чем серьезно. Кто-то посоветовал послать адмиралу соли, чтобы сделать морскую воду в ванне, и бросить туда красным жестом куртка, благо Ильям замерз. Это закончилось бы цинк непрозрачной».

129) Далее следует по дневнику: «Я заверил, что могу принять только чисто командную должность, но он сам понимает, что узурпаторы мне фронта не доверят».

130) «Беззастенчиво» Болдырев называет колчаковский «Приказ № 61». Вот текст этого приказа, изданного в Омске 1 дек. 1918 г.:

«§ 1. Командующий 3-м отдельным приамурским армейским корпусом полковник Семенов за незаконные, нарушившие телеграфный связи и сообщения в тылу армии, что является актом государственной измены, отрывается от командования 3-м корпусом и свещается со всех должностей, на занимаемых».

§ 2. Генерал-майору Волкову, Сибирского калачного войска, подчинен 4-ый и 5-ый корпусные районы во всех отношениях на правах командующего отдельной армией, с присвоением прав генерал-губернатора, с непосредственным мне подчинением».

§ 3. Приказываю генерал-майору Волкову приступить к выполнению всех возложенных на него обязанностей, действуя по закону военного времени».

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак».

На помощь Волкову был командирован также Ивано-Ринин. Семенов, однако, не испугался. Этот приказ раздал ему руки. Он не только прервал телеграфное сообщение Дальнего Востока с Омском, но стал задерживать поезда и даже забирать на казначейства деньги. «Русский Голос» — газета Семенова — всячески оскорбляла Колчака, ардагана Семенова на пост Верховного правителя».

Колчак решил дать отбой и постановил послать комиссию для расследования степени виновности Семенова. Комиссия попала в такие условия, что решила как можно скорее убраться на Семеновской территории. Но вот на Семенова было арестовано покушение: осколком бомбы брошенной в театр, Семенов был слегка ранен в ногу.

Колчак использовался эти удобный случай, чтобы сделать благородный жест: исполнение приказа было «арестовано».

130) История это являла некоторое основание. Дело в том, что агенты доносили Колчаку, что Болдырев имеет встречи с эсерами и левыми и ведет с ними переговоры на предмет свержения Колчака при помощи японцев. Утверждают, что агенты в своих доносках не ошибались. Утверждают также, что Болдырев от подобной авантюры отказался, ибо не видел тогда никакой реальной русской силы, а действовать при помощи интервентов, в данном случае японцев, Болдырев по-прежнему не захотел.

Но как бы то ни было—Колчак испугался. Помимо телеграммы, которую получил адъютант Болдырева, была послана секретно телеграмма на имя командующего войсками Приамурской области, Х. Е. Бутенко. Текст этой телеграммы был, приблизительно (приблизку ее со слов Бутенко), следующий: «Выслите Болдырева за границу, в случае необходимости—арестовать и насильно выслать».

Бутенко был учеником Болдырева во академии генерального штаба. Действовать натаском против своего бывшего учителя Бутенко не желал.

— Вы хотите меня арестовать?—спросил Болдырев у Бутенко, когда последний явился выполнять распоряжение Колчака.

— Не в коем случае. Хочу только быть вам полезным в вашей поездке за границу, желая отпустить Бутенко.

Болдырев попросил отсрочку на три дня. Бутенко согласился и задержал ответ Колчаку. Через три дня Болдырев уехал.

132) Илья—известен тем, что особенно усердно проводил на Дальнем Востоке интервентскую политику Японии.

133) Оущены слова: «Было достаточно шампанского».

134) Оущены слова: «Ка мне заходил В. Д. Высоцкий (крутная богат. В. В.) сообщить, что, в виду его отъезда во Владивосток, мои деньги он передал Гинзбургу. Чрезвычайно малый и обязательный (?) человек».

135) Оущены слова: «А силы большевиков не настолько серьезны, чтобы для их уничтожения потребовалась целая армия союзников».

136) Вместо последней фразы в дневнике записано: «Ягено подвигнул, что действительно японское командование желало бы моего возвращения в армию для ее переустройства».

137) В дневнике сказано: «Циничной».

138) Последняя фраза занесена так: «Я в принципе согласен, но Т. предварительно должен переговорить со мной».

Как видно, Болдырев, через подставных лиц, через Гинзбурга, начинает задирать носу у американцев.

139) Речь идет об интервью, которое Алексеев дал в Токио корреспонденту «New-York Herald» Герману Берштейну. Это интервью было напечатано в токийской газете «The Japan Advertiser» в номере от 28 декабря 1918 г. Изложил обстоятельства ареста и заключения, Алексеев утверждал, что «Все было сделано с ведома Вологодского, Старынкевича, Михайлова, Гюсса, Тельберга и, конечно, Колчака», который предположительно вернул с фронта и двинь военного ареста. Эти именно слова и приводили в сообщении колчаковского представителя в Токио.

Омское правительство дало, однако, ответ на это интервью особым сообщением, в котором объяснил, что версюртеж был выдан антигосударственной политической эссые.

140) Оущены слова: «Теперь этого не делает будто бы потому, что и без того знает адрес первую сорнику».

141) Это место в дневнике занесено так: «Был М. А. Гинзбург, просит затреть в петлицу. Слова задроррал кон намерения и условия, при которых было бы возможно мое сотрудничество в Омске. Он, кажется, хочет пощувать настроение Крушевского, американца, особенно их недавнего посла Морриса».

142) Здесь речь идет об убийствах и расстрелах, которые совершены были колчаковцами в Омске 23-24 декабря в связи с восстанием. Это восстание подготовилось подпольными коммунистическими организациями. Колчаковский охрана своевременно прознала и накануне восстания арестовала группу большевиков-рабочих в 42 человека. Это обстоятельство побудило руководителей отменить восстание, но об отмене не успели предупредить всех, вследствие чего в некоторых районах восстание все-таки вспыхнуло. Выступившие захватили областную тюрьму и освободили арестованных. Среди освобожденных были и члены Ковуча, арестованные в связи

с колчаковским переворотом в разных городах [Урала и Сибири и сконцентрированных в омской тюрьме.

Вспыхнувшее восстание привело в смятение колчаковцев, которые, однако, скоро оправались, стаяли крупные военные силы (на помощь пришли стрелки Уорда и чехо- словаки) и учинили восстанием кровавую баню. Считается, что в эту ночь убито в Омске и в Кудомзино (пригород Омска). Затем начал работать военно-полевой суд.

Арестованные, освобожденные восставшими из тюрьмы, сгруппировались. По официальному сообщению освобождено было около 300 человек, из них 150 политических. Начальник гарнизона издал приказ, которым предложил вернуться в тюрьму всем, ушедшим из нее во время восстания. Невыполнившие приказ угрожали расстрелом. Ушедшие из тюрьмы учредившие самозваную баню, в ту же ночь они были выведены из тюрьмы, доставлены в суд, который им вынес смертный приговор, приведенный под утро в исполнение. Как выяснилось впоследствии, желая освободиться от неизвестных им учредивших, расправившись с ними по собственному понятию. Так, в эту ночь погубил Мясоедов, Кириенко, Девятков, Фомина, Брундерер и некоторые другие учредившие.

Все колчаковские документы, относящиеся к этому делу, опубликованы под заголовком «Омские события при Колчаке» в 7 и 8 томах журнала «Красный Архив» за 1925 год.

143) Когда чехо- словаки ушли с фронта в тыл, Гайда, желавший остаться на фронте, получал от Стефанника разрешение поступить на русскую службу. «Вексель», о котором говорит Болдырев, заключается в следующем. Гайда, как известно, содействовал Колчаку совершить переворот. Колчак обещал Гайде, что передаст ему командование армией— это именно тот вексель, о котором Болдырев (см. стр. 116) упоминает Колчаку. Теперь, когда Гайда поступил на русскую службу, Колчаку представлялся удобным случай положить этот вексель, что он и сделал, поручив Гайде командование Сибирской Армией.

Не лишним кажется здесь отметить, что в то время Колчак верил в искреннюю преданность Гайды и, потому, всячески благоволил к нему.

Генерал К. Сахаров (см. «Белая Сибирь», стр. 80) передает, что Колчак в присутствии Сахарова и Лебедева обнял Гайду, расцеловал и затем, обращаясь к свидетелям сцены, сказал: «Вот что, слушайте, я верю в Гайду и в то, что он много может сделать. Если меня не будет, если бы я умер, то пусть Гайда заменит меня».

144) Мамышевский— генерал типа Красильникова, Волкова и др., вместе с которыми участвовал в свержении Дертнерии, в «аэрфотомосковской ночи», как называются омские ночи 22 и 23 декабря 1918 года, и в ряде других расправ и заступничества. Мамышевский попался в плен вблизи Омска в 1920 году.

145) «У Гинзбургера живут по-царски».

146) Решительность— это, несомненно, плюс. Нужен был, как видно, урок Колчаку, чтобы Болдырев убедился в этом. Что, однако, несуразно,— это сравнение «в духе большевизма». Если бы Колчак так действовал, то «колчаковщина» не было бы.

147) Прогресс: «Обедал у Высочких. Многие они люди, но тоже шурт себе уголка на белом свете».— Эти «милые люди» боялись жить во Владивостоке.

148) Последней фразы в дневнике нет. Эта фраза написана уже в Сибири, когда текст дневника подготавливался к печати.

149) «Шогурун»— наиболее влиятельные из феодальных князей, которые до укрепления власти императора были фактическими правителями Японии (это примечание, случайно не попавшее в текст книги, принадлежит В. Болдыреву).

150) Опущены слова: «Пела хорошо, хотя впечатление, главным образом, усиливалось потому, что это пела бывшие женщины-японцы».

151) Опущены слова: «Если эта не пустая сплетня, то хороши (эти) женщины— уберают все, что касается их авявторе и мелкому злощаму. Огорчило это меня очень».

В примечании 131 мы указали, что Болдырева действительно арестовали бы, если бы он не уехал из Владивостока.

152) Последние слова в дневнике изложены так: «и бегут возвращая большевикам с будто бы (уже) решенным уходом союзников».

153) Это генерал Хагино.— Почему вдруг автор решил законспирировать его— нам неизвестно.

154) Опущены слова: «Я благодарна».

155) Слова: «что мне представляется наиболее вероятным» в дневнике нет. Эти слова оставлены, когда готовились рукопись к печати, когда, следовательно, не было уже нужды предсказывать, что власть «не укрепится».

156) Опущены слова: «особенно, когда сам Хоренко не знает, что в данную минуту необходимо для ее блага».

157) Эта фраза, особенно резко подстрекательная стрельение Болдырева, придерживаясь в такую Колчаку японской ориентации, в дневнике записана так: «На мое замечание, что реальная сила пока на Востоке только у японцев и что нам не приходится делать ее враждебной, Крупенский живо ответил» и т. д.

158) Болдырев действительно разошелся с Колчаком по этому вопросу, но только формально, ибо Болдырев сам ведь стоял на той позиции, что главное командование должно иметь представителей и от интервентов. Болдырев только предлагал, чтобы один из двух начальников штаба был обязательно японец. Что же касается вопроса о назначении Жанена, то надо помнить, что интервентские тиски создали также условия, при которых Колчак просто вынужден был передать главнокомандование Жанену.

159) Опущены слова: «Вид из башки дельте. Они текут здесь, как вода, Хоренко имеет текущий счет, и, право, приятно прожить, хоть и недолго, вне тревог и среди комфорта. Сколько я натерпелся за эти лет. лет!»

160) Опущены слова: «Я очень удивился, увидев здесь Курбатова, но сразу понял, что он откуда-то имеет сильные рекомендации и усел уже в японских военных кругах завязать довольно сильные отношения. Я просил его захватить ко мне после обеда».

Заметая, что есть человек, который может сыграть роль связующего звена с японскими военными кругами, Болдырев решил поближе познакомиться с женой.

161) Опущены слова: «Большой кофоб», имеет какие-то документы по этому вопросу».

162) 23 января 1919 г. советское правительство получило радио, в котором некоторые державы Антанты сообщали о своем намерении созвать на Прибалтийском острове (в Ириморном море) совещание для разрешения русского вопроса. Радио приглашало все правительства, находившиеся тогда на Российской территории, прислать на конференцию своих представителей. Обсуждаться должен был вопрос о прекращении гражданской войны. Советское правительство выразило готовность выступить в переговоры. Это согласие Колчак, Деникин и остальные «русские» правительства расценили, как признание советской власти, спешно бесконно вестн дальнейшую борьбу, а потому и отказались от участия в конференции, которая, таким образом, и не состоялась.

163) Слова «и то, что он сейчас сотворит», в дневнике нет.

164) Мудр — дубинант бароней Могата.

165) В дневнике фамилия финансиста названа — это миллиардер Морган.

166) Опущены слова: «Утром Курбатов был у генерала Уехара, начальника генерального штаба, и изложил ему проекты будущего японо-русского соглашения».

«Веря японцев» — это, конечно, Уехара и Танака.

167) Опущены слова: «и ним все более и более склонюсь к им».

168) Зовут этого промышленника — Ст. Ив. Колокольников.

169) Вместо слов: «Военные верли Япония», в дневнике записаны: «Японцы (главным образом, Танака и Уехара) и т. д.»

170) «Оба К.» — это Колокольников с женой — как сказано в дневнике.

171) Опущены следующий текст: «В Камышове встретиле за завтраком посла Крупенского, который почему-то быстро ушел. Курбатов это принимает на свой счет. Мы успели с ним обменяться лишь несколькими фразами о его недавней встрече с японским военным министром Танакой».

Крупенский, как представитель колчаковского правительства, налаживается в натянутых отношениях с японским правительством, не мог, конечно, на виду у всех находиться в компании лиц, чрезмерно японофильствующих.

172) Опущены слова: «Передал при письмах и военному министру и начальнику штаба».

173) «К.» — это все [тот-же Степан Иванович Колокольников].

174) Этот отрывок в дневнике заканчивается словами: «Вот они — российские политические противники!»

175) *Ваннилов, Джон* — (1782-1809 г.) организатор борьбы за освобождение Америки от Англии.

С левой руки А. В. Саломова (см. примечание № 11), брошенные им по адресу Колчака слова «русский Вашингтон» стали в Сибири крылатым выражением.

176) Последующие четыре строки заменяет следующий интересный отрывок дневника:

«Нас, тайно мечтавший об осуществлении у нас небольшого еврейского прогрома, с другой стороны, предлагал нашим иерархам, и лично Сергею и Владимиру Силвестру, отыскать нового Христа для народного возрождения. Конфуцизм или иррационализм к вашему народу? Любопытно, как бы баронета теперь, когда идут вести о возможности прогрома, во уже в его собственной стране, и не «арест»?»

177) Вместо этой фразы в дневнике записано: «Надежда на самих себя и только на себя, но в этих условиях возрождение еще вперед, пока большинство не изнаив сам себя».

178) Запись начинается словами: «После завтрака ездил в Томск, был в конторе у Гинзбурга, беседовал по обзору вопроса, посоветовал идти дальше из сибирского банка и перейти сюда».

179) Речь идет о декабрьском восстании в Омске (см. прим. № 142). Предположение, что сибирские казаки будто бы не хотели принять участия в подпольном ивстании, не соответствует действительности.

180) Вместо этих двух строк в дневнике читаем следующую запись: «В орбиту Курдюкова попали Семенов и Иванов-Равок. Последний даже, как возможный заместитель «барона» (Жоржата). Видимо, и нас отводится место, но в не какой-нибудь случай заявил, что «под Семеновым быть не может, если буду, то над ним». Видимо, с Дальне-Восточным государством что-то зреет, будто бы у Семенова три корпуса».

181) Онушен следующий конец записи: «Идет возможность поселиться в нашем отеле. Что она, видимо, истеричка, — это верно, но Макин думает, что она агент какого-то черембанского штаба. Может устроить, но его мнение, гадать по нему Николая, который, по ее убеждению, только и спасет Россию. Итак, я теперь не только «социалистический генерал», но уже и в Союзе, кстати сказать, присудившей жене к трем годам тюрьмы и считающей меня одним из своих лучших друзей, особенно за создание восточного фронта. Вот она, карманная черная стар! Она столь же опасна для строительства России, как и тот красный козырь, который второй год дает и душит бедную родину».

182) Онушены следующие слова: «Днем заехала М. Ф. Саломова, просила разрешения к какому-то господину Он, молодому образованному японцу, стороннику русско-японского соглашения, мне представиться. Я, конечно, ничего не имел против».

183) Онушены слова «Дурные вести».

184) Последняя фраза в дневнике записана так: «Ей (России), видимо, суждено и дальнейшее большевистское властвование».

185) «М» — это «капитан Мейерович».

186) Из этой полевой записи Болдырев онустил строки, касающиеся его знакомства с Яроцким, о котором говорит, что «он, кажется, был помощником градоначальника в Петербурге еще при царском режиме» и сейчас направляется в Америку. «Яроцкий, — пишет Болдырев, — видимо, чует здесь помину, очень образовался знакомству со мной, просит во вторник победать у него, а ведь, вероятно, дошли до него вести о «социалистическом генерале».

Болдырев не замечает того, что японцы к нему подошли разведчика Он, а колчаковцы — воликовского Яроцкого. И с каждым из них Болдырев идет разговоры.

187) «Я» — это «лейб-казак Янов».

188) Онушены слова: «Гуковский (адъютант Болдырева) уверяет, что к нему (Янову) первым примчался пригласить наш посол Поклевский. Что-ж, может быть, хоть это ознаивает его незавидную участь представителя непримиримых противней».

189) Онушена фраза: «Долго беседовали с Мейеровичем в дружбе Сергея с Гурландом».

190) Лага наций создались в 1919 г. по инициативе президента Соед. Амер. Штатов Вильсона. Это—организация, служащая в руках держав Согласия орудием для укрепления своей мощи и своего влияния.

191) Пропуск: «Принесли радио из Сан-Франциско от Антонтаева. Шесть часов пролет. Их там, судя по газетам, довольно бесцеремненно задержали до выяснения причин их изгнания».

192) Самообразная, однако, эта была «информация», ибо в действительности она обслуживала не Болдырева, а японцев и япончишек, поставив их в позлейшую известность и настроениях, намерениях и планах Болдырева.

193) Опушены заключительная фраза: «Здесь Нокс слышит Россию, а там его соотечественники постепенно окутывают Персию».

194) Опушены слова: «С просьбой похлопотать пред японским военным министром о разрешении ее арестованному мужу выскать в Японию, и другую телеграмму, что» и т. д.

195) Опушены слова: «По части ареста, главным образом, орудует по прежней своей специальности помощник Харвата, генерал Инаком-Ринно, исполнитель Бутанно».

196) Радио-Дмитрием, генерал болгарин, демонстративно поступивший в начале мировой войны на русскую службу.

197) Опушены слова: «Уно совершенно разделяет мои взгляды на настоящее дело».

198) Опушены слова: «Я ему заметил, что решительные меры против анакшиса не характеризуют слабость нашего правительства».

199) Опушены слова: «Он все время задним ухом крепко».

200) Опушены слова: «Я еще может быть, что в будущем она будет помогать англичанам, да и мы, японцам, пригодится, как добрая соседка».

201) Опушены слова: «Верюмо, этому полковнику чеху придется сыграть роль в настоящих судьбах России». Дальше читаем мы в дневнике следующий абзац: «Чувствую, что долгие тупеть это неопределенное положение нехорошо. Из грустных размышлений вывел меня визит Г. Оболонского, просил позволения войти с важным делом, предупредить, что в четверг на завтраке будет мадам А., которая будто бы состоит лектором болдыревки. Странно, что это известие В. Н., моя красавица ее на завтрак. Во всяком случае предупреждение весьма не лишнее. Не знаю, насколько искренен Оболонский, знаю лишь, что японцы от меня в восторге, и если же поворотится с Калачиком, даже при наклонении симпатий в их сторону».

Разговоры о болдыревском агенте, конечно, чужды. В феврале 1919 г., когда советская власть билась в колыхах блокады и контр-революционного окружения, некогда было думать о Болдыреве.

202) Опушены слова: «Опять общий упрек, что я не там, не при работе. Что-ж? Она не знает в тонках приемах, несомненно, с верою Калачик, сделавших изобразительное мое изгнание. Тот же упрек повторяет и Нокс, тогда отлично понимающий обстановку. Чорт его знает! Издаются или лицемерит?»

203) Вместо последних слов в дневнике записано: «Попрежнему довольно беззастенчиво дует против Директорши».

204) Опушены концы: «А на духе северю. Тяжело и за общее положение дел. Видимо, я Сибирь не избежу участи Кировской России».

205) Опушены слова: «Тяжело было на душе и, кажется, больше всего от сознания, что наслаждаешься, когда на родные трагедии. Дон-Кихотство это нам так и должно быть?»

206) «На что?» «На диктаторской трон». Странно, что Болдырев притворяется наивным. Как будто не знает об агитации, которая японифицировала власть покрут его имени. Ведь заехал же к Болдыреву Урошии и говорил он о каких-то письмах Курдагова.

207) Писал письма «Жанену, Ноксу и другим».

208) Болдырев сделал отступление от дневника, очевидно, для того, чтобы уточнить свои подвиги жизни, словом, чтобы и читателю высветить «поставленные интереснейшей задачи и, в частности, роль Японии». Но это отступление страшно свидетельствует о недогадочности. С другой стороны, Болдырев решает задачу обрисовать ту роль, которую он тогда играл в Японии, в слишком безобидном свете, при чем подчеркивает, что и в своей «дипломатической деятельности он

СЕРИЯ ПР

Л. С. Палашенко

руководился исключительно Славными порывами и искренней любовью к родине. Своим отступлением Болдырев делает также попытку оправдать себя пред современным читателем. Как будто в этом есть надобность. Как будто непонятно, что не простой добротностью и не чисто академическими соображениями руководился Болдырев, когда в Японии напал на себя того дипломата. Ведь каждый знает, что в то время Болдырев стоял на той позиции, что следует бороться с японцами до последнего конца и что эта победа может, а также и должна быть достигнута. Сам Болдырев тоже признается, что «считал интереснее» тяжелое, но неизбежное в сложившихся условиях необходимость. Казалось бы, что, если говорить, так договаривать уж до конца, ведь известно, что «быль — молочку не в укор». А, между тем, Болдырев не договаривает, вследствие чего скрадывается от читателя вся неудача этой дипломатии и складывается комичность дипломатической роли, которую Болдырев играл.

Что ради Болдырев, писавший Колчану, что хочет выехать на Украину, для своего изгнанника избрал Японию? Хотят, некоторые время отдалиться от перепитых треволнений среди интересного народа и своеобразно-экзотической природы, которая так манит каждого туриста. Так ли это?

Вторая часть книги почти целиком посвящена описанию того, что интересно Болдыреву, как туриста.

Но некоторые места второй части, места, тщательно «очищенные» от предательских деталей, которые мы, по возможности, привели в приложениях, ясно указывают, что не только интересы туриста, но и соображения другого рода направляли шаг Болдырева в Японию. Болдырев, видите ли, не мог простить обиду, которую нанес ему Колчан. Руководясь интересами родины и отечества, Болдырев жаждал реванша. Для возврата же этого реванша Япония, как всякий понимает, была самая благодарная почва.

Америка, Англия и Франция парализовали влияние Японии в Сибири и мешали ей осуществить свои империалистические планы. Япония понимала, что ее руки будут до некоторой степени развязаны лишь тогда, когда не в Чите, а в Омске будет сидеть «свой» человек. Семенов же был слишком мелок для такой роли. Но вот в Японию пристывает Болдырев. «На конца и зверь бежит!» И «верхи Японии» решили для своих целей использовать Болдырева, того Болдырева, который, в свою очередь, нуждался в Японии. «Сердце сердце весть подает». И понятно, если скоро и создавалась атмосфера, необходимая для того, чтобы «верхи Японии» и Болдырев приобрели друг другу комплименты и бросились друг другу в объятия.

Первыми организаторами этой атмосферы были два финляндских дельца, Высоцкий и Гинзбург, имеющие большие связи в «верхах Японии» и в других кругах. Далее. На обеде у Такаки (см. стр. 175) Болдырев «к большому удивлению системы» встречает япончика Курбатова (Завойко), человека сомнительной порядочности. Из первых же слов облик стало очевидно, что они друг другу нужны. Болдырев приглашает его к себе. Курбатов, конечно, приходит и с места в карьер знакомит Болдырева со своим планом русско-японского соглашения. И Болдырев отмечает в своем дневнике (стр. 177): «Мысли для меня не были новыми, а мне все более и более склонность к я». Решают идею работать над осуществлением русско-японского соглашения.

Кто же мог быть этот Курбатов? Никто иной, как японский агент-информатор. Курбатов был русский, а проект русско-японского соглашения, который, вероятно, был составлен в японском штабе, служил казнькой. Болдырев клюнул и попался.

В пятницу, Курбатову японцы оставили полицейскую записку Ярацкого (см. прим. № 186). Последний, правда, числился на службе у Колчана, но, undoubtedly, это был тайный японский информатор во вражеском полковничьем стане.

Чтобы убедиться, насколько русские информаторы правильно освещают взгляды Болдырева, японцы водворили к нему лица заслуживающее большого доверия, художника Ов. Болдырев в это время и с ним беседовал.

Дабы отвлечь внимание Болдырева от японских агентов, создали легенду о большевистском агенте (см. примеч. 201).

Никакого в сетях «обширной японской дипломатии», Болдырев не замечал, что им «манящего», а глубоко верил, что он «манящего» мирового политика, и был убежден, что даст реванш Колчану, что получит равноправное сибирской армией.

Работать в этом направлении Болдырев особенно усердно начал после разговора с бароном Мегато (стр. 179—180). Вскоре Болдырев закончил записку (о ней он совершенно упускает в книге) под заглавием «Краткие соображения по вопросу о борьбе с большевизмом в России». Было бы заманчиво привести здесь эту записку целиком, но к сожалению, она слишком велика по размеру. Ограничимся поэтому кратким изложением сущности записки.

«Медленным успех борьбы за восстановление порядка и государственности в России, — говорит первый пункт записки, в значительной мере объясняется несогласованностью действий союзников и несдержанным отбиением их к тем или иным политическим событиям, которые происходят в России».

Разъяснив довольно подробно, что несогласованность действий немалым образом вредит прочности большевизма, обличает его пропаганду и переносит удары далеко за пределы России», наконец, что «большевизм — мировое зло и что, поэтому, «борьба с большевизмом является борьбой за сохранение культуры, борьбой цивилизации против варварства и разрушения», Болдырев указывает, что эта борьба «является общим делом всех культурных стран и призывает союзников объединиться для этой борьбы».

Болдырев указывает даже «средства борьбы: а) вооруженная сила, б) внутренние реформы».

«Нужно, — говорит он, — союзнические силы, готовые в крайнем случае и для нанесения решительного удара вооруженным силам большевиков. Силы эти могли бы быть организованы: а) для действия совместно с добровольческой армией ген. Деникина с юга России и б) со стороны Сибири с сибирскими войсками. При трудности подвоза войск союзников... для Сибири организация такой армии, конечно, могла бы быть выполнена силами Японии».

Указав Омскому правительству, что оно должно поддерживать в Сибири порядок и создать «Сибирский представительный орган», Болдырев предлагает «союзникам, в частности Японии, «объяснить о немедленной готовности союзников оказать Омскому правительству полное содействие по укреплению государственного правопорядка в Сибири и по обеспечению дальнейшей организации вооруженной силы, необходимой для борьбы на большевистском фронте и охраны порядка внутри».

Далее мы приводим и изложим еще другие наиболее существенные пункты записки.

«Силами Японии немедленно приступить к организации и переброске в Сибирь 150—200 тысячной армии, из коих 100 тысяч на Уральский фронт, остальные — для охраны порядка внутри Сибири и на железной дороге».

«Предложить остальным союзникам оказать немедленную денежную помощь Японии и снабдить ее необходимыми материальными и техническими средствами».

«Взаимным согласием Японии и Омского правительства избрать из русских военачальников лицо, объединившее руководство боевыми действиями русской и японской армии с двумя начальниками штабов, русским и японским, и с представительством от других союзников».

«Варьез до значительного сосредоточения японской армии на Уральском фронте и установления прочного порядка в тылу временно воздержаться от широких активных действий силами русской армии и использовать эту армию на ее окончательную организацию, снабжение и обучение».

«Ближайшая очередь задач — ликвидация линий реки Восток».

«Заявить Омскому правительству, что, в случае явного использования его подвоями в интересах каких-либо одной партии или классов в ущерб интересам всего народа, союзные войска выйдут к границам Монголии и Манчжурии, и армией представлено представляется своим собственным силам».

Эта записка возмужает своей важностью. Сразу замечать, что автор ее — человек, плохо разбирающийся в международной политической обстановке того времени. Мало ли Америка, Англия и Франция допустит, что бы Сибирь и Дальний Восток были целиком отданы во власть Японии и Японии, не только так будет, чтобы союзники оказали немедленную денежную помощь Японии».

словом, чтобы на их деньги Япония японизировала Сибирь и Дальний Восток «Верхи Японии», понятно, сразу заметили всю неискренность этой записки, но она была им на руку. Болдырев только им нужен был для того, чтобы составить такую записку. Ведь эта записка, по-первых, продемонстрировала перед всеми державами, что без помощи японцев не осуществить «красный приезд», угрожающий цивилизованному миру, а во-вторых, эта записка дала возможность «верхам Японии» проверить свои сведения о том, как смотрят союзники вообще и каждым отношении каждого из них к интервенционным планам и империалистическим намерениям Японии.

Что дипломатический дебат был неудачен, в этом Болдырев, конечно, не преминул скоро убедиться, как скоро он убедился и в том, что японцы далеко не склонны менять на него даже Семенова. Уже 3-го апреля он заносит в свой дневник слова: «Игра временно проиграна».

Долгое время спустя свернулся, правда, луч надежды, но только на мгновение, а именно тогда, когда 11 января 1920 г. Хагино посоветовал Болдыреву немедленно ехать во Владивосток. «Там вас ждут», — сказал Хагино. Болдырев, конечно, должен был расценивать слова Хагино в том смысле, что «верхи Японии» взяли, наконец, решительную ориентацию на него, тем более, что, в виду наступающей смерти Колчакова, в Сибирь нужна была «твердая» рука. Но уже 12 января, в день отъезда из Токио, Болдырев заносит в дневник «резкое изменение в настроении японцев. «Кто-то быстро и настойчиво жонглирует отношением ко мне японцев». «В личной агитуре уже начали находить крупные положительные стороны Семенова». «Семенова хвалят и только что вернувшийся К., организатор русско-японского банка».

И Болдырев жонгли, что напрасно он так усердно ратовал за японцев. Удавшегося, однако, дало Болдыреву собственное сознание того, что в своих действиях он руководился исключительно патристическими соображениями судьбы отечества, помощью родине, «красной опасностью».

Эта Записка, о которой мы говорили в предыдущем примечании, была расслана всем сибирским представителям союзных держав, а также Колчаку, и снабжена сопроводительными письмами. В распоряжении Сибаркина имеется копия письма, посланного Колчаку. Вот полный текст этого письма:

«Токио, 20 марта 1919 г.

Ваше высочайшее превосходительство
владивостокский государь
Александр Васильевич!

Позволяю себе затруднить ваше внимание настоящим письмом.

Из наблюдений местной японской жизни и разговоров, как с военными «редакционитами» ими, так и с общественными деятелями, я пришел к заключению, что Япония в высокой степени жаждет скорейшей ликвидации большевизма, как опасной заразы для себя, с одной стороны, и, с другой, возможно скорейшего установления порядка у нас, по крайней мере, в ближайших к ним областях. При всех особенностях японского характера и допуская искренность с их стороны и во втором моем предположении.

Действительно, настоящее положение Японии довольно сложно, если учесть события в Китае и особенно в Корее, да и внутреннее политическое и экономическое положение вызывает усиленные заботы правящего класса.

Вместе с тем и в Сибире положение Японии, на мой взгляд, гораздо сложнее остальных союзников, она одна ведет активную борьбу с большевиками, несет чувствительные потери, в которых должна отчитываться и перед парламентом, и перед общественным мнением и в то же время не может, видимо, захватить среди союзников того места, которого бы она хотела.

Учитывая эти обстоятельства, может быть, было бы своевременно использовать их в интересах России путем несколько более тесного сотрудничества с Японией.

1. Если нельзя еще пока рассчитывать, что силы собственных войск русских вполне достаточны и для борьбы с большевиками, и для обеспечения порядка в стране, и на желанноворонинской магистрали, может быть, было бы полезно побудить союзников к более активной деятельности против большевиков. Золотой характер

борьбы имеет для нас ту опасную сторону, что это может в конце концев и физически и морально ту большую часть русского народа, которая стоит под знаменем большевиков. С другой стороны, экономически подрывает и экономическое благосостояние страны.

Как ни тяжело сотрудничество в этом отношении чужеземцев, может быть, быстрее воспрянет большевистского гнобника можно бы себе оправдание да и жертв в конце-концов будет меньше, чем при латвийском характере междоусобицы, которая полтора года уже терзает страну.

Здешние военные круги, видимо, были бы согласны и более активной работе при условии, конечно, согласия остальных союзников и необходимой денежной и материальной с их стороны помощи. В последнем выступлении военный министр Япония необходимую для Сибири цифру войск для борьбы с большевиками определил в 150 тысяч человек, при надлежащем, конечно, техническом оборудовании. Может быть, эту мысль было бы выгодно поддержать.

2. Беспокоит, по-видимому, японцев и тибетский вопрос на Дальнем Востоке, благополучное разрешение которого, конечно, тоже весьма желательно.

3. Третий вопрос, о котором мне хотелось сказать несколько слов, это вопрос о народном представительстве. Может быть, было бы своевременным немедленно разработать и обнародовать выборы пока хотя бы в представительный орган тех областей, на который фактически распространяется власть правительства. Впоследствии прибавить депутатов от вновь отпавших у большевиков областей, постепенно идти к Всероссийскому представительному органу, которым окончательно и утвердится будущий государственный строй России. Необходимо вынудить инициаторов из рук большевиков, а база для правительства будет крайне широка и в смысле его престижа у населения, и в смысле обрешенного провозглашения его союзниками.

Известно, что занная вам досуд. Желаю полного успеха в великом деле строительства Родины.

Уважающий вас В. Болдырев.

Это письмо Колчак, насколько нам известно, оставил без ответа. Еще бы! Туда армия Колчака успешно продвигалась вперед.

Находясь в плену, Болдырев заговорил о необходимости «представительного органа», а когда стоял у руля правления, то думал управлять без «народного представительства». Сдействовал даже разгону Сибирской Областной Думы.

210) Указаний Г.—это адъютант Болдырева Гумовский, который все письмо к Колчаку. Гессе—это французский моряк, ехавший в Омск.

211) Опущены слова: «Генерал Романовский прислал» и т. д.

212) Опущены слова: «Если не удастся попасть в иностранную миссию».

213) Вместо последней фразы в дневнике сказано: «Гумовский—это последние военные прерогативы, назовем их так. Теперь я обязан».

214) Опущен конец: «Проводил Мейеровича, по делам уехал во Владивосток, дал ему письма к Высочному и к генералу Романовскому».

215) Опущены слова: «Заполнил корреспондент японской газеты. Еще откликнулся. Уж и этот не с разведочной ли целью? Он тоже все что-то вертелся около вопроса: из Москвы в или из Омска?»

216) Вместо «Исма» в дневнике сказано: «Адиат».

217) Ходили слухи, что Монголы объединятся с Забайкальем под главенством Семнова, не то в качестве князя, не то в качестве императора.

218) Опущены слова: «Дай бог, если бы из этого вышло польза».

219) Опущены слова: Шиферн, который был при этом, чуть не наделал глупостей, вернул ему свою записку (это была докладная записка японцам, резко настроенная против Омска). В. В. Исма успел уже пробовать первую страницу, и я успел отобрать ее у него».

220) Опущены слова: «Одно очевидно, что цели достигаются одна и те же, что и у настоящих деятелей Сибири, но работать вместе не можем».

221) Пред словами «оттеснили красных до Енисея» им в дневнике читаем: «Значит, сибирская армия вполне оправдывает все надежды, которые на нее возлагались».

222) Зуберин, министр продовольствия, был уличен в спекулятивных махинациях, арестованных и уличен государственным судом с целью личной мести.

220) Жена Семенова — певица низкопробного шантана. Своими неприличными предложениями она до того озадачила была, что вынуждена была, по требованию военных, оставить на время территорию Семенова и выехать в Японию.

221) Чубина — подполковник генерального штаба.

222) Родственный Болдырева.

223) Опушены слова: «Пришлось надеть военную форму — начал от нее отпыхать».

224) Опушены слова: «Не знал: из чувства расположения или для информации».

225) Опушены слова: «Я всю подчеркнул, что дело обстоит несколько иначе, чем они представляют. Положение мне вовсе нежелательно для людей, окружающих Колчака, особенно военных. Делает вид, как будто бы мне согласно на сотрудничество здесь важно. Это или провокация, или частное мнение Родзянко».

226) Опушены слова: «Старик, несомненно, умный».

227) Опушены слова: «Если сибирская армия через три месяца рассчитывает добраться до Москвы, пожалуй, этим путем попадешь в Россию скорее».

228) Опушены слова: «Воззвание Терещенко — председателя «Общества Возрождения России»».

229) Опушены слова: «Я пытался ему выяснить, что в данных обстоятельствах оно выходит из?».

230) Опушено начало записки: «Послал письмо Родзянко по вопросу о сотрудничестве. Они все упрекают меня за отказ от работы, которой мне никто не предлагал».

Как характерна эта неустойчивость Болдырева! Немного спросили, почему вдруг такой поворот, почему вдруг так начал добиваться «сотрудничества»? Не потому ли, что сибирская армия, на успехе которой Болдырев строил свою «игру», собирается через три месяца быть в Москве?

231) Опушены слова: «Ни минуты не сомневался, что Омск при содействии союзников устраним для меня, абраться на которого будет, видимо, не легко».

232) Опушены слова: «Обещал содействовать в получении английской визы. Если результат будет тот же, что и у французской, мысль о поездке мне придется отложить».

233) Этот «человек зтимана Донского казачьего войска», командув в Колчаковом войске, не имел счастья показать дары на поле брани с Красной армией, но зато он ухитрился прославить себя другими «храбрыми подвигами».

Сычев был в конце 1919 года начальником Иркутского военного округа. 24 декабря, когда поход Колчака болтался где-то по магистрали, а Иркутский район оказался эпицентром восстания, Сычев арестовал группу явных эсеров, которые были интернированы в казармах 12 волеи и на которых смотрели, как на заложников, как на гарантию для провоза колчаковских министров, отравленных повстанцами от Иркутска.

4 января Сычев получил от начальника семеновских войск, генерала Сопотрова, распоряжение эвакуировать арестованных. Из человек, среди них учредители — Павел Мардаилов и Борис Варюк, были присланы на станцию Листяничное и посланы в троем паровоза «Ангара». Как только паровоз, на котором ехал такое орудие мятежников, выплыл на середину Байкала, начали подвизывать арестованных на трюма. От каждого арестованного брали подписку, что он в течение трех дней выедет из Сибири, затем тут же арестованного раздевали до бела и подвезали к корню, говоря, что там ему надо арестантскую одежку. Стояло только арестованному приблизиться к краю корня, как казак Дунин огулом его ударом ухватистой дубины по голове, после чего огуленного или убитого арестованного сбрасывали с корня в Байкал. Такая участь постигла всех узников.

Этот «храбрый» и «доблестный» подвиг военных черносотенцев связан с именем Сычева.

Августу же свои храбрость Сычев проявил в часы падения Колчаковской власти в Иркутске. Когда настал этот жуткий для белых час, то оказалось, что след Сычева, команданта Иркутска, начальника всего района, давно простыл. Он убоялся являя на первых, надав перед этим собственноручный приказ об отступлении.

234) Иркутск, Петр Николаевич, генерал — при Временном правительстве командовал 3 конным корпусом, с которым и принимал участие в Керенловском походе

на революционный Питер. После Октябрьского переворота опять направил свои войска на Питер, но у Гатчины был разбит и взят в плен. Из плена отпущен под честное слово, что не будет впредь выступать против советской власти. Слова, однако, не сдержал. Пробрался на Дон, он поднял казаков против советской власти. Придерживаясь немецкой ориентации, Краснов вошел в соглашение со Скоропадским.

В конце-концов Красная армия разбила все его отряды, и Краснов бежал за границу, где он досуге занимается литературой.

238) Драгомиров, А., генерал—был правой рукой М. В. Алексеева, и как таковой—принимал деятельное участие в управлении Добровольческой армией. Драгомиров был против того, чтобы юг был разделен на самостоятельные области. Поэтому, потому, если к группе Драгомирова относились недружелюбно представители или «послы» атамана Донского казачьего войска.

Кстати заметим, что Драгомиров один из тех трех генералов, которых Болдырев, когда был Уфимским Главноверхом, просил Алексеева послать для работы на Урал и в Сибирь.

239) В дневнике эта фраза записана так: «Всего грустнее, что столь детские расприны событий, видимо, разделяется не только неумирными крестами, но даже и калашами».

240) Описана следующая фраза: «Как будто не видит люд, что настало иное время, страна переживает величайшие потрясения».

241) Описаны слова: «Эта зараза проникла и сюда. Даже «новый» генерал (Сычов), несмотря на всю его скромность, верит в походы».

242) Описаны слова: «У Сычева отличная каша: Везут их действительно ко рошу. Оказывается, за счет английского короля действительно иногда можно прожид таться. Недаром меня так соблазняет Роданико».

243) Описаны слова: «Раньше считали, что честного человека окружают мошенники, а теперь ясно, что и Колчак такой же».

244) Весте «кордашество» в дневнике сказано: «За злополучный социализм. Мало знают. Конечно, это иначе и быть не может».

245) Описаны слова: «Натворил он чудес не мало и потерял крушение с падением Одессы. Поехал будто бы в какой-то Туркестанский поход».

Грошич в действительности ехал к Колчаку, но на дороге был задержан красным отрядом.

246) Болдырев, добывавшийся взым, вдруг приостановил свой отъезд, что, конечно, находится в связи с изменением в худшую сторону положения Сибирской армии.

247) «Парижский комитет», назначенный Колчаком в 1919 г., состоял из князя Г. Е. Львова (председатель), С. Д. Сазонова, Н. В. Чайковского, В. А. Маклакова и В. В. Савицкого. К этому комитету пригласили своих представителей и остальные российские антисоветские государственные образования. Все представители составили, так называемую, «русскую заграничную делегацию», в задачу которой влидала «защита национальных интересов России».

248) Автор имеет в виду геройский, с военной точки зрения, подвиг германского вице-адмирала фон-Рейтера, потопившего в конце мировой войны германский флот для того, чтобы он не достался англичанам.

249) Весной усилилось партизанское движение в Красноярском районе. Для усмирения был послан Роданико, который отдал следующий приказ:

«Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания.

Приказываю безусловно руководствоваться следующим:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главнейших вождей; если этого не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются.—растрелявать десятого.
2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослые мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и т. д.—отбирать в пользу казны.

Примечание: все отобранное должно быть проведено прикомом по отряду.

3. Если, при проходе через селения, жители по собственному почину не известят правительственные войска о пребывании в данном селении противника, а возможность извещения была, на население накладывают денежные контрибуции за круговой порукой. Контрибуция возмещать беспощадно.

Примечание: всякая контрибуция должна быть проведена приказом, при том по отряду. Суммы впоследствии сдать в казну.

4. При занятии селений, по разбору дела, неужеловно накладывать контрибуции на всех тех лиц, которые способствовали разбойникам, хотя бы косвенно, связав их круговой порукой.

5. Объявить населению, что за добровольное снабжение разбойников, не только оружием и боевыми припасами, но и продовольствием, одеждой и проч., виновные селения будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны. Население обязано указать свое имущество или уничтожить его во всех случаях, когда им могут воспользоваться разбойники. За уничтожение, таким образом, имущество населения будет увеличиваться полная стоимость деньгами или возмещаться за реквизицию военного имущества разбойников.

6. Среди населения брать заложников, в случае действия одностельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно.

7. Как общее руководство, повелить на население, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть, как на врагов и расправляться беспощадно, а их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства.

Генерал-лейтенант **Розанов.**

27 марта 1919 г.

гор. Красноярск.

Этот приказ и выполнялся с суровой беспощадностью. Достаточно сказать, что в одном Енисейске, который насчитывал 7000 душ населения, в первые дни прихода карателей было казнено 700 человек. Каратели воровали крестьян, сжигали целые деревни.

251) Диксон не только грозил, но в действительности побил редактора за поминание в газете статей, в которых разоблачалась жалкий провал американцев и резко осуждалась их грубое отношение к населению.

Заметим кстати, что Диксон по происхождению русский, был даже воспитанником Павловского корпуса, но ушел из второго класса и эмигрировал в Америку, где, как видно, акклиматизировался настолько, что стал «настоящим» американцем.

252) Вот текст этих писем, который привожу по оригиналам, хранящимся в Сибирском:

«Париж, 14/VIII-19.

127, rue de Longchamps

Глубокоуважаемый Василий Георгиевич!

Ваше письмо из Токио от 26 марта дошло до нас только в июне. И так как вы пишете, что в апреле собираетесь ехать на юг России, то я и не знал, куда от вестить. Сейчас есть океан через Японию и Сибирь, и я пользуюсь ею, вместе с Екатор. Конст., которая только что вернулась сюда из Америки, чтобы попытаться отвести вам. Озкому коротко и прямо—как было больно читать ваше письмо, между строками которого чувствуется острая боль из-за вынужденной бездеятельности. Дорогой Василий Георгиевич, вы все, и я в том числе, испытали те «отличские» переживания, о которых вы говорили по поводу Омских событий. Но ведь видно сильнее наших переживаний. А она говорит ясно и осознанно, что при настоящих условиях гражданской войны возможна только одна форма власти: только власть военного командования рядом с более или менее*) обособленным и самостоятельным гражданским управлением, состоящим из людей, пользующихся доверием населения и обслуживающих военную власть всеми тыловыми и военными функциями так, чтобы сама военная власть могла всецело посвящать себя оперативным задачам и не вмешиваться в гражданское управление или, во всяком случае, не возмущать своим подчинением делать это. В этом состоит мудрость и такт главнокомандующего, —

*) Курсивом набраны те места, которые подчеркнуты в письме.

товору не может не принадлежать вся власть. Только при этом условии достигается два основных требования—простота связи, устанавливаемой в войне, и быстрая массовая. Первой у Давыдова не было, и она не устояла. У второй Добровольческой армии генерала Демкина не было второй, и она уже несколько раз страдала от отсутствия доверия и потому и возрождения большевизма в тылу. А в результате и в Сибири, и у нас на севере, а, наоборот, в будущем и на юге—получается одно и то же. Значит, в этом есть логика жизни. А если это так, ей нужно идти навстречу, стремиться к своей главной задаче—прямой и открытой борьбе с большевизмом. Вот почему я как прежде говорю—живите и боритесь, хотя бы в рядах той же сибирской армии, которая доказала свою народность, боеспособность, несмотря на страшный недостаток способных и опытных командиров. Пример единства, устремлений и юности в борьбе с врагом—это самый высокая этический мотив, перед которым умоляют все групповые, партийные и товарищеские императивы. Теперь, когда каждый день дорог, когда всякая живая и искренне-преданная сила драгоценна, теперь и я говорю: «Все руки на борту» и «Слушай команду!»—это бы вы ни были, лишь бы во главе стоял вождь, способный довести нас до нашей общей цели. В прошлом же будем разбираться по окончании борьбы. С военной точки зрения это для нас, конечно,—забука, а не мне вас учить. Но то же самое верно и с политической точки зрения. Над все путали «революция», грядущей в лице волевого диктатора. А теперь оказывается, что настоящая-то реакция грядет совсем с другой стороны: Россия, экономическая Россия, попадает в руки немецких технологов, немецких коммерсантов и дельцов, призванных большевиками не только для восстановления ими же причиненной разрухи, но при удержании в своих руках политической власти. Для немцев упрощаются все комитеты и советы, отменяются все декреты, им дана почти бесконтрольная власть в экономической сфере. Население же, колючее и голодное, мирится с этим и даже встречает с восторгом, черная сотня аллюдирует. Получается тотальное единодушие большевизма, неметким, реакцией и рабства, подобного архаично-немецкому оправдывающим при кровавом праве. Вот где глубокая реакция, и вот где могла быть власть свободы. Протягивая все величине силы должны быть пущены в дело. Каждый день продолжения власти большевиков крут для нас годы нашего рабства под нескончаемой войной.

Так вот, глубоководный Василий Георгиевич, если в такую минуту есть какой-нибудь выбор, то только между большевизмом и единственной реальной силой, которая провозглашает демократическое государство и учредительное собрание, кто бы ни стоял во главе ее. На третьего выбора нет, сидеть у моря и ждать погоды нельзя, никто из нас не имеет права. Если в прошлом мы не сумели отстоять свою избрленную законодательную власть, то в ближайшем будущем нам грозит опасность утратить самые элементарные завоевания права и свободы. И этого история нам не простит.

Если получите это письмо и захотите писать, то напишите на Русское Посольство в Париж или Лондон, где бы я ни был—дойдет.

Крепко жму вашу руку и от души желаю всякого успеха.

Ваш Н. В. Чайковский.

Александров, Аргунов, Зензинов, Голосовский, а теперь и Астров (прежняя) здесь. Первые стали опять на партийную работу и разорвали единый фронт, что я считаю преступлением, а я стою на прежней анархической почве. Титов и Мухомов в Валтеринидаре. Астров едет в Омск, а я в А. хмельская—через 3-4 недели.

•Париж, июль 14, 1919 г.

C. Brechkovsky, Rue Longchamps 127, Paris, France

Дорогой и многоуважаемый Василий Георгиевич! Никогда я вас не забывала и не забуду. Всегда желаю и желаю видеть вас в среде ближайших мне людей. А потому, когда сегодня прочла ваше письмо (от марта) Николаю Васильевичу, обрадовалась случаю написать вам, дорогой соотечественник и соратник. Мы с вами заработали и пережили достаточно вместе, чтобы знать друг друга и верить друг другу, и в прошлом судим одинаково. Но с тех пор прошло полгода, если не больше, и положение вещей стало несколько иным.

В. Г. Вальден. „Директор. Копия. Историческая“.

Воснабжатели наших армий приняли на себя обязательства перед народом и перед совещаниями вести войну с большевиками ради созыва Всероссийского Учредительного Собрания, и лишь на этом условии получают материальную помощь от союзников. Земства и кооперации освобожденных мест выразили готовность признать Омское правительство с Колчаком во главе. Отказы об этом генерале получаются исключительно одобрительные. В то же время высказывают необходимость дать ему сотрудничество, готовы поддержать и укрепить направление вполне демократического курса. Просит на помощь честных и умных людей, пользующихся общим доверием и деятельностью которых привлекут на свою сторону лучшие общественные силы.

И мы, ваши друзья, дорогой Василий Георгиевич, вполне понимаем, что один человек, хотя бы самый лучший из нас, не может успешно работать (да еще при столь невыгодных, трудных условиях), не имея рядом с собой умных и добросовестных сотрудников, — горячо желали бы видеть вас в среде тех, кто борется там, на месте, за счастье и свободу родины нашей.

Ваше присутствие там, ваше участие в общих усилиях послужило бы ярким примером самоотдачи и самоотверженного служения интересам нашего пострадавшего народа. И если вы, как главный борец за свободу и правду, выразите согласие на совместную работу с Николаем Васильевичем Чапловским и со мной — мы будем очень тому рады и будем готовы принимать меры помощи нашей русской армии, борющейся против немецких и коммунистических сил большевиков. Было бы очень важно иметь ваш подробный отчет, и как можно скорее, на наши письма, дорогой и глубокоуважаемый Василий Георгиевич.

На Парня и рассчитываю выехать в конце июля и пробыть в Богемке, в Праге, Оттуда и Чернову верю и пристану в Новороссийске. Поблизко к нему, подумав к Уралу и везде буду стараться налаживать детские колонии, где бы наши бесчисленные сироты могли учиться труду и разуму.

Россия в таком виде, что все роды и виды работ и помощи являются насущной необходимостью нашему народу. А воспитание молодого поколения — есть спасение будущего нашего отечества. Иначе... да, вы сами отлично понимаете, что грозит родине, оставленной в руках большевистской шквалы.

Где-то вы теперь? Если среди ваших родных — передайте им мой дружеский привет. Вас позвольте крепко обнять и пожелать здоровья, бодрости и веры в собственные силы.

Екатерина Бренковская.

253) Переписка, вызванная этой телеграммой, опубликована в прим. № 256.

254) Эти «слухи» были не без основания. Приблизительно в это время прибыла к Колчаку деминская делегация, привезшая с собой материалы и доказательство, что на нее идет действительно государственное строительство в общероссийском масштабе. Эти материалы убедили Колчака, что он окружен бедными людьми. Тогда именно он возмел замечание отказавшись от прерогатив «верховного правителя» в пользу Демкина, но от этого шага удержали Колчака сибирские полковники. Впоследствии, как известно, Колчак передал «власть» Демкину.

255) Следует заметить, что Болдырев, ссылаясь на службу к Колчаку, если это понимать, поддерживал оппозиционную версию с учредителями. Не удивительно, с другой стороны, если штаб Колчака считал его опасным.

256) Слышим скупы и выражение серьезных тонах налагает Болдырев эту «завязку», для участия в которой он от поездки, конечно, отказался.

Дело в том, что зерно-областники задумали в октябре совершить переворот. Для этой цели они решили использовать казанского Болдырева и бывшего Гайду. Вначале зерно-областники хотели на роль «организатора» выдвинуть Гайду. Затем передумали и остановились на Болдыреве.

В ответ на записку, которую послал Болдырев по получении телеграммы Павлович и Якушев отправил Болдыреву следующие письма (оригиналы хранятся в Сибархиве):

«25 IX—19.

Дорогой Василий Георгиевич!

Ваш ответ на нашу телеграмму получен. Постарайтесь кратко ответить на наши вопросы.

Грамота Н. А. Якушева, при сем прилагаемая, явилась результатом ряда совещаний с ответственными представителями земско-городских объединений. Позднее к платформе, выданной Грамотой, примкнули и кооперативы. Ко времени издания Грамоты в общественности выметалось три течения: 1) — главным образом, в Омске вокруг государственного-экономического совещания, стоявшие за «парламентский» метод борьбы в пользу ответственного министерства при сохранении «диктатуры» Колчака; 2) — Сибирский к-т членов Учредительного Собрания, составленный из, так называемых, «эсеров-активистов», отколовшихся от официальной партии с. р. Это течение видит исход в немедленной созыве Сибирского Учредительного Собрания, а до него в создании Временного Правительства, ответственного перед к-том Учредительного Собрания, по образцу сахарского Комуча. Наконец, 3-е течение, средоточием которого являются земские и городские самоуправления и их объединения, является по-прежнему, характернейшим явлением Иркутского губ. Земства (при сем прилагаемой) Грамота явилась политической платформой этого течения. Изданная персонально инициативной группой, она затем получила признание совещания представителей земских и кооперативных организаций. В настоящее время с уверенностью можно сказать, что течение в пользу созыва Земского Собора с задачами, указанными в Грамоте, является господствующим в Сибири. На 1-е октября главным к-том Сибирского земства съезд представителей земств в городах в Иркутске. Этот съезд, политический представительный наместник и национальный самоуправление, должен будет составить Земский Собор. Необходимость создать для Сибири надлежащую обстановку и известную силовую поддержку вызвала образование к-та содействия созыву Земского Собора, в состав которого входят представители общественных (земских и кооперативных) организаций и представитель Ц. бюро сибирских военных организаций. Этот комитет действует полулегально и приступает к изданию большой газеты во Владивостоке.

Неопределенность обстановки на фронте и неустойчивость позиция Омского правительства выдвигали неизбежно вопрос о необходимости решительных действий до созыва Собора. Эти действия являлись во Владивостоке и одновременно по линии от Н. Удисида до Тайшета. На этот случай совещанием общественных организаций была выдвинута в качестве временной, до Земск. Собора, власти группировка из пяти лиц. В связи с этим вам была послана телеграмма в приведенном приезде.

Грамота эдм. Колчака, некоторые колебания военных представителей (Франция и Англия), являвшая готовность военных организаций сделать «необходимой отсрочку» решительных действий и переносит центр внимания на съезд, собирающийся в Иркутске.

Обстановка складывается весьма благоприятная, движенье в пользу ответственного правительства, выданного Земским Собором, крепнет с каждым днем.

Обстановка, однако, возбуждает нас торопиться. Движение начинает все более и более захватывать широкие массы. Рабочие профессиональные организации, относящиеся первоначально пассивно-соучастливо к инициативе движения, партийные организации, относящиеся даже индифферентно, теперь начинают все более и более «раскачиваться». Дать «разогнаться» широкому массовому движению при военных условиях крайне опасно. Необходимо действовать, пока путь еще в наших руках.

Присажайте, ваше присутствие здесь необходимо.

Ваш М. Н. Павловский.

«Многоуважаемый Василий Георгиевич!

В письме Михаила Наумовича Павловского вы найдете ответ на ваши вопросы. Я очень желаю, что не могу лично осветить положение вещей в полной мере, но едва вся, что движенье, которое сейчас развивается, носит органический и национальный характер. Оно опирается и питается от органов местного самоуправления. Необходимо сделать «формить» это движенье и дать ему возможность иметь свою активную силу. Эта сила — созидательная, творческая. Ваше присутствие здесь крайне необходимо. Это же думает г-н. Галда, который ваш приезд сюда ждет со дня на день.

25 сентября 1919 г.

Уважающий вас Ив. Якушев»

На эти письма Геддартс написал следующие ответы:

«Воспит, 5/X-19

Глубокоуважаемый

М. Н.!

Крайне признателен вам за ваше письмо, поставившее меня в курс дел в Сибири.

Пактформа, выработанная Грамотой, является для меня вполне приемлемой, и отвечает тем идеям, которые, по моему глубокому разумению, крайне необходимы для выхода из того тяжелого положения, которое сложилось в Сибири.

К великому сожалению—вопрос о моем приезде несколько сложней, чем это может казаться: я чрезвычайно серьезно озабочен и ответственными и иностранным вниманием, и открытая моя позиция, несомненно, не только подожжет шум, но и может помешать работе в Сибири.

Несомненно же повеление, не говоря о трудности такого, нахожу для себя и по политическим и по другим соображениям неудобным. Я считаю, что сохранение моего авторитета, особенно среди армии, требует, чтобы мое появление в Сибири было не результатом какого-либо личного вмешательства, а как подлинное определение выраженной воли народной со стороны человека, безгранично верного демократическим принципам, а равно и принятым на себя в Уфе политическим обязательством. Эту точку зрения разделяют и мои здешние политические друзья и представители левых стран, где я теперь живу, и с которыми мне приходится беседовать. Кроме того, я считаю весьма важным, в соответствии с ходом дела в Сибири установить здесь полезные для дела отношения, особенно на уровне, несомненно трудное время. Экономические вопросы, которыми здесь стали интересоваться даже и в военных кругах, я придаю особенное значение; без правильного разрешения таковых государственное строительство, по-моему, безнадежно, трудно. Определенно пытаюсь установить необходимую точку зрения и на атаманский вопрос, в смысле содействия его нейтрализации в ходе событий. Во всяком случае я в полной готовности к работе по первому зову того представительства сибирского населения, которое берет на себя великую задачу восстановления родины и родной Сибири. Считаю необходимым сообщить, что здешние злые языки сочувственно относятся к движению в Сибири и просят настойчиво установить самую тесную связь их представителей во Владивостоке с кем-либо из представителей сибирской общественности, я в этом отношении принял меры.

Передайте содержание моего письма Янушеву и генералу*).

В. Б.»

«5/X-1919

Глуб. Ио. Александр!

Очень рад был получить ваше любезное письмо и очень сожалел, что раньше не имел удовольствия лично с вами встретиться и беседовать.

Письмо Мих. Науш. Павловскому и содержание приложений совершенно удовлетворило и с точки зрения принципиальной.

В ответ М. Н. я, изложив некоторые мои соображения и высказав причины, во которых в значительной степени затруднен мой приезд до выяснения результатов съезда, просил его передать содержание своего письма вам и генералу. Душевно желаю успеха.

Ув. вас В. Б.»

На письма Болдырева последовал такой ответ:

11/X-19 с.

Владивосток.

Глубокоуважаемый генерал!

Ваше письмо от 5/X с. г. я получил, а также я ознакомился с содержанием вашего письма на имя Мих. Науш. Разумеется, ваши соображения, изложенные в этом письме, имеют свои тайные д'етале, но все же окончательно я не решусь высказать свое мнение. Это будет зависеть от хода событий и их развертывания.

*«Генерал»—это Гайда.

Во всяком случае ваше присутствие в Токио менее может быть полезным нашему делу, чем ваше присутствие здесь.

Особенительно «хорошо странно» и их желание связаться с нами, мы уже вам телеграфировали. Но нас определенно не удовлетворяет познание их доверителей здесь. Обшир ориентация их чрезвычайно неопределенна; в одно и то же время они ведут переговоры с нами, описывая и чинскими фирмами. Есть некоторое опасение, что они серьезно связаны с чинской и хабаровской фирмой. Главный директор их — г. К. выехал в Омск, не повидавшись с нами.

Необходимо действовать активно.

Всего лучшего
уважающий вас Ив. Якушев

П. С. Посылаю вам первый № «Вели», изданной приходящей к нам группой.

Из этой переписки видно, что Болдырев далеко не ослеплен был в то время раскрывать этот инцидент, как авантюру. Он отнесся к ней серьезно. Его не смутило даже участие Гайды в этом деле. Болдырев потрухнулся связать отечественных авантюристов с враждебными Колчаку «верхами Японии», которые тоже не отянулись равнодушием к этой аванюре. Вскоре Иганака, председатель междусоюзной комиссии военных представителей, обратился к колчаковскому командованию с требованием о немедленном выводе из Владивостокской крепости русских отрядов под тем, видите ли, предлогом, что эти отряды бесчинствуют, устраивают беспорядки и наводят страх на население. Японцы, как видно, старались заблаговременно подготовить японцам базу для военных действий.

Торопил Болдырева и Якушев, который намекал, что массы «раскачиваются». «Дать раскачаться» широкому массовому движению при нынешних условиях крайне опасно, — возмущал Якуши Болдырева. А решительный отклик Болдырев ждал, раскочивать не хочет.

Дело с вывозом войск из Владивостокской крепости не выгорело, ибо на этот раз Колчак как несобстоятельный ему решительный отпор британским председателем международной комиссии. Вся история чуть было не приняла характер грозного конфликта между Колчаком и союзными державами. Этого Иганаки не предвидел. Чтобы избежать конфликта, Иганаки потрухнулся дать отбой.

Но и о самом заговоре было осведомлено колчаковское правительство, от имени которого Гинс дал даже предупреждение заговорщикам в виде ноты, напечатанной в газетках. Да и как было колчаковцам не узнать о готовящемся перевороте, раз к этому перевороту были приглашены лица, стоявшие во главе государственного экономического совещания, председателем которого был никто иной, как Гинс. Так конспирировали эти переметчики.

Отказом этого заговора служат вспыхнувшее впоследствии восстание Гайды во Владивостоке, которое, как это не странно, было подавлено при помощи японцев.

«Зеркала-активистами», о которых упоминает в своем письме Палловский, назывались в Сибири та незначительная группа людей, которая вооружалась с «официальной» эсерской партией и образовала «Сибирский Союз г. р.» (см. прим. № 291).

Что же касается сибирских военных организаций, о которых также упоминает Палловский, то это те организации, которые сформировал капитан Калашников (см. приложение № 272).

257) Опущены слова: «Заработал не менее 50 миллионов рублей».

258) Вместо «списанием» в данном случае сказано «аудиторством».

259) Вот точный текст этой телеграммы с полными адресами: Иркутск. Председателю Совета министров. Копия всем политическим комиссарам союзных войск. Копия Владивосток генералу Романову.

Самы настоящие положения Сибири ждала помощь России. Россия считала патристическим долгом «немедленным» арест Сибири целью изложить свои соображения Правительству и общественным организациям тогда Немезиды прелатства аресту срочного ответа через Всероссийское Посольство точка 22 ноября 1919

генерал Болдырев».

250) М. Сидоровский — правый эсер, в Колчаковские занимался исключительно научной работой.

251) Восстание Гайды подготавливалось эсерами-областниками (примечание 246). Японцы оказали Розанову большую поддержку, а потому «слегка помогли» — сказано слишком скромно. Отдельные японские части действовали активно. Японский крейсер освещал своим прожектором вокзал, в котором заседал правящий, чтобы осветить Розанову наступление. Японцы, правда, ненавидели Колчака, но Гайда по многим причинам был для них еще менее привлекателен, а этого обстоятельства не учли областники, остановившиеся на Гайде после того, как Болдырев решил выжидать события в Томске.

252) Никто еще не разоблачился. Все только чувствовала, что надо готовиться к побегу, и в первую очередь это поняла Вологодская. На переформирование министерства Колчак вынужден был согласиться под грозным давлением властолюбивого Пелевнева, иругу ставшего «демократом» и желавшего чем-то вроде представительного учреждения спасти положение и себя.

253) Вот текст этого меморандума:

«Невыносимое состояние, в котором находится чехо-словацкая армия, заставляет нас обратиться к советным державам с просьбой о совете, каким образом чехо-словацкая армия могла бы обеспечить себе собственную безопасность и свободный возврат на родину, вопрос о котором был решен при согласии всех союзных держав.

Чехо-словацкая армия была готова охранять железную дорогу и сообщение на вверенном ей участке и эту задачу добросовестно исполняла.

Но ниже пребывание чехо-словацкого войска на магистрали и ее охрана становится невозможными в виду свершившейся бездельности и на основании примитивнейших требований справедливости и человечности. Охраняя железную дорогу и поддерживая порядок в стране, чехо-словацкая армия вынуждена против своего убеждения содействовать и поддерживать те составные части полного произвола и беззаконности, которое здесь процветало.

Под защитой чехо-словацких штыков местные военные русские органы позволяют себе такие дела, от которых весь цивилизованный мир придет в ужас. Выжигание деревень, убийства русских мирных граждан целыми сотнями, расстрел без суда людей исключительно только по подозрению в политический недовольности — составляет обычное явление, а ответственность за все это перед Судом народов целого света падает на нас за то, что мы, располагая военной силой, не воспретимости этому беспорядку.

Эта наша неспособность является прямым следствием принципа нашего нейтралитета и неимпунтности в русские внутренние дела, и она же является причиной того, что мы, соблюдая безусловную лояльность, становимся против своей воли участниками преступлений. Сообщая это представителям союзных держав, которые чехо-словацкий народ и всего мира, есть и будет всегда верными союзниками, считаем необходимым постараться всеми средствами поставить народы всего мира в известность, в каком морально-трагическом положении очутилась чехо-словацкая армия, и каковы причины этого.

Мы сами не видим иного выхода из этого положения, как немедленное возвращение домой из этой области, которая нам была вверена для охраны, и чтобы до осуществления возврата нам была дана возможность прекратить беспорядки и преступление, с одной бы стороны они не происходили.

Богдан Павлу. Доктор Гирс.

Этот меморандум был, понятно, сданным ладжериске. Стиснутые Красной армией и преданная, что им придется держать ответ за все содеянные преступления, жестокости и грабежи, чехо-словаки поторопились издать местом сыграть все же Колчака.

В ответ на этот меморандум Колчак из своего посольства послал Пелевневу телеграмму, в которой приказал аррестовать всемя смирением «интриганам» чехо-словацкими и «ойти со срочным представлением через Сазонова к чешским и союзным правительствам с предложением отозвать названных лиц из России, с заменой их другими, заслуживающими места себе более прилично.

Желез ответил: явную недозволенного тона телеграммы Колчака, он отказывается дать ей ход.

Телеграмма Колчака стала, конечно, известна чехам, которые начали предать Колчаку, подому задержав его поезда на станциях железнодорожной линии, которую они захватили. На одной из станций Колчак потребовал, чтобы к нему вышел чешский комендант для объяснения, почему так долго не подает паровоза. Комендант велел Колчаку передать: «Среди нас нет людей, умиющих себе прилично держаться. Пусть адмирал идет, пока принадеет армейскими делами».

264: Гривина, во время отступления всей армии, после поражения у Тобольска получила от Войцеховского боевое приказ задержать корпус и дать красным отпор. Гривина отказалась, сказав, что поедет с войсками в Иркутск. На предложение Войцеховского сдать командование корпусом, Гривина также отказалась. Тогда Войцеховский выстрелом из револьвера убил его.

265: До сей поры, да и наперед, ли когда удастся подсчитать точную сумму стоимости того разнообразного добра, которое чехи вывезли из Сибири. А что сумма эта внушительная, видно хотя бы из того факта, что чехи, инстинктивно преисполненные в России, по возвращении к себе на родину осмысленно организовали, так называемый, «банк чехо-словацких акционерств», который считается в Чехии одним из крупнейших банков.

266: Арсеналов, Сергей — журналист, восхвалявший Колчака и его следователей. Никс Августидер расклевался.

267: Оупущены следующие слова:

— Почему наша революция не родила подобного гимна?

— Да в сущности потому, что революция одна для всего мира. На долю Франции выпала честь породить гимн революции и всякий другой был бы излишним повторением, — ответил мне Шаффер.

— Мысль хорошая, но есть и другая причина. Так трудно создать музыку лучшую, чем наш старый гимн, воплощающий идею монархии. Он полон величия и силы, как Марселеза — все огнем и адом. Конечно, Говарет, что в Москве были попытки конкурса на создание гимна — они не увенчались успехом. Гимн «Интернациональ», во он в каждой стране звучит по-разному — это дарь живущему еще в зародке чувству национализма. Мирное братство, если ему суждено осуществиться, создаст и свой гимн великого объединения.

268: «Инструкторская школа» — та школа, которую организовал Никс. (См. прил. № 77).

269: Болдырев имеет в виду то «государственное экономическое совещание», которое было создано Колчаком для того, чтобы создать в Сибири хотя бы видимость «народного представительства», как возмездие для борьбы с областническими тенденциями.

270: Власть действительно была передана (см. прил. № 26).

271: Провуок: «Он просил визы во Францию. Когда спросили, есть ли у него деньги, сказал, что есть 2 миллиона. Французы будто потребовали 4-х поручителей. Говорят также, что пять».

272: Не Колесников, а Н. С. Калашников. В настоящее время Калашников живет в Калифорнии. Он — бывший рабочий, слесарь красноярских железнодорожных мастерских, затем Иркутского завода. В 1905 году вступил в эсеровскую партию, был членом Северной Боевой Дружины и участвовал во многих террористических актах. Был несколько раз арестован, несколько раз совершал побег. Жил в эмиграции. В начале войны был мобилизован, служил в усебную команду, оттуда в военное училище, а затем в 1916 г. в чине прапорщика отправлен на войну.

Находясь на военной службе, он вел среди солдат революционную агитацию. Вскоре его прикомандировали к штабу Иркутского военного округа. Здесь, в Иркутске, он в декабре 1917 года принял участие в иркутском восстании против большевиков. После разгона Сибирской Областной Думы участвовал в подпольных эсеровских организациях. Когда в Сибири власть взяли белые, то Гривина-Аладелов прикомандировал Калашникова к себе, давая ему для выполнения чрезвычайно секретные поручения.

Калашников является главным организатором антибелочкаевских военных отрядов, которые состояли из эсеро-областнических офицеров и вообще офицеров, крайне удрученных поражениями армии, а потому и оппозиционно настроенных по отношению к носителям власти.

Ядро этих организаций находилось в армии Гайды и Петелива. Эти организации имели даже две конференции. На второй конференции обсуждался, между прочим, вопрос о том, чтобы открыть фронт для беспрепятственного прохода в Сибирь советских войск, но большинство высказалось против этого предложения, и оно было отвергнуто. Калашинов никогда не считался с партиями эсеровскими авторитетами. Из эсеровской партии Калашинов неоднократно исключался и вновь принимался.

272) Пролуск: «Даже один из его прототипов из японцев, посланный за сбором в Семеновское царство, в действительности садил по поручению какой-то японской формы. «Я его журад,— заметил владыка,— а он мне в ответ: так вы против Семенова, друга Японии, значит, вы и против Японии, а еще японский слесарь».

274) «М-ф» — это *Министр*, он жил долго в Германии, где вел монархическую агитацию.

275) Опущены слова «иже».

276) См. примечание № 36.

277) Автор имеет в виду ту решительность, с которой Розанов отверг предложение Игнатьева о выводе русских войск из Владивостокской крепости (см. примечание № 257).

278) Уже тогда стало известно, что Колчак передал военную власть Семенову. Многие военные части, за исключением тех, которые сразу ориентировались на земство, не хотели, востому, более подчиняться Розанову, тем более, что Семенов сам сделал реверанс в сторону сотрудничества с общественными организациями.

279) Некоторые военные части, как, например, примурский кавалерийский полк, силой забранный своих офицеров, ушли еще до 25 января востому, к партизанам. Сознавая опасность положения, Розанов подписал приказ о всеобщей амнистии всех солдат, ушедших к партизанам, если только они добровольно вернутся в ряды армии.

280) Подполковник, известный колчаковский каратель.

281) Газета Дальневосточной группы кадетской партии.

282) Афанасьев и Меньшиков, арестованные во время попытки земства захватить власть, заявили Розанову, что они готовы официально известить население о своей несолидарности с линией поведения бунтовавших военных частей и о нежелании земства принимать власть. Оба были выпущены и вскоре на улицах повсюду их заявления, составленные, правда, в довольно туманных выражениях.

283) *Шенченко* Гавриил — виднейший командир примурских партизанских отрядов, обладает крупными военными дарованиями, «виртуоз», — как говорит — в применении партизанских методов борьбы с белогвардейцами и японцами. Японские командиры обещали награду тому, кто доставит голову Шенченко.

284) Видный Дальневосточный коммунист.

285) Опущены: «Меня не приглашают в земство, Видимо» и т. д.

286) Ой, действительно, обещал Розанову поддержку. «Займите позиции, следы будут стоять японские части, обеспечивающие от возможного окружения повстанцев» — так, по словам начальника штаба примурского округа, Н. Антоновича, Ой сказал Розанову.

Если японцы не выступили, так это произошло потому, что при скрытом участии эсеровичей, что, впрочем, для японцев не было секретом, розановская власть была неожиданно и быстро ликвидирована.

287) В дневнике записка: «Рассвет его недовольство» (конечно, в среде коммунистов).

288) Опущены слова: «Конечно, страшновато за него» (мужество).

289) По настоянию автора, желательными элементами слова «свержаниями» «негодично».

290) «Сибирские эсеры — это те, которые воевали с официальной эсеровской партией и образовали «Сибирский Союз Соц. Рев.». В своей декларации Союз обещал «Поддерживать Ком. Член. Учред. Собрания в его стремлении немедленно после свержения Колчака, не откладывая, начать выборы в Сибирское Учредит. Собрание». Опоздываясь следовать поставленной официальной эсеровской партией, Союз требовал от своих членов активного участия в политической борьбе и декларировал, что будет содействовать большинству скорее свергнуть диктатуру Колчака. В своей декларации Союз заявил даже, что лучше прервать выборы в Сибирское Учреди-

тельные Собрание, в случае решения народа признать советскую власть, чем медлить и тянуть с правильным устройством народной жизни теперь, когда всеобщая разруха и разлад измучили и измотали весь народ. Во главе этого Союза стоял Павел Михайлов, известный, как один из главных руководителей сибирских подпольных организаций, сформировавшихся в 1918 г. для борьбы с Советами. Михайлов был членом Западно-Сибирского Комиссарната, затем недолгое время был министром во Временном Сибирском Правительстве. Михайлов был в числе тех 31 арестованных, которых колчаковцы вывели на пароходе на среднюю Байкала, убили, а затем бросили в воду.

291) Это дети—дети восточной бедноты» (см. прим. № 54).

292) Купец бессовестно лгал. На одного из не внесших контрибуции в Томске не расстреляли.

293) Описаны слова: «Видно, и в устах Колчака, Деникина и Семенова звучит этот «единица, веревочная») звучал ложью и не имел доступа к народной душе».

294) Трапичевый, Я.—анархист, в 1920 г. руководил партизанским отрядом, который занял город Николаевск на Амуре. После того, как японцы и белогвардейцы выступили с оружием в руках, чтобы свергнуть советскую власть, Трапичевы перешли с повстанцами. Эта разгрома Трапичева и восприняла для японцев поводом, чтобы совершить свое выступление 4-6 апреля, о котором речь будет дальше в тексте книги.

Когда в Николаевск пришли регулярные советские войска, то Трапичев и его бандашские соратники (Ирина Лебедева-Клишкова и др.) были преданы суду, который вынес им смертный приговор, приведенный в исполнение.

295) Вместо слов: «Они знают, чего хотят»,—в древние времена: «У меня осталось ощущение какого-то недовольства собой, как будто и говорил больше, чем надо, и был более искренен, чем может быть, следовало бы. Но такая моя натура. Эти люди мне как-то ближе нашей мичаевской бюрократии, в них чувствуется воля к борьбе».

296) Автор имеет в виду тот несуществующий в Нижнем Новгороде «Всероссийский Крестьянский Союз, который был сфабрикован для обуржуживания крестьянских и рабочих масс на страницах читинской семновской газеты «Забайкальская Повесть» в номере от 10 марта 1920 г. В этом номере опубликовано нелегитимное воззвание, которое, полагаем, не нуждается в пояснениях.

«Мы, представители крестьян всей России, собравшиеся на съезде в числе 369 депутатов, постановили:

1) Мы знаем, что в России вся разруха идет исключительно оттого, что власть находится не в русских руках, и большевики вводят нам коммуны, а крестьяне никогда не будут коммунистами; кадеты—представители помещиков и капиталистов, социальсты-революционеры—представители спекулянтов, а про остальных и говорить не приходится.

2) Мы считаем, что хотя большевики и называют свою власть рабочей и крестьянской, но мы знаем, что там нет ни одного крестьянина, почему она и не может называться так, для обмена темного народа.

3) Мы считаем, что власть должна быть только крестьянская, и только она может усвоить России, а потому набираем всероссийское крестьянское правительство, которому и приказываем приступить к немедленной работе.

4) В состав всероссийского крестьянского правительства должны входить только крестьяне и много больше.

5) Под именем крестьян считаем всех крестьян, казаков, бурят, татар, башкир и других, занимающихся сельским хозяйством, и их детей и внуков.

6) Всем офицерам и солдатам приказываем служить только всероссийскому крестьянскому правительству.

7) Всероссийскому крестьянскому правительству немедленно войти в связь со всеми борющимися против большевистского правительствами и подчинить их всероссийскому крестьянскому правительству для беспощадной борьбы с коммунистами.

8) Атамана Семенова, как сына казаков, просить не только подчиниться всероссийскому крестьянскому правительству, но и предложить звание русского крестьянского диктатора, как защитника единой России и крестьянства.

9) Если атаман Семенов примет звание всероссийского диктатора, то всероссийское крестьянское правительство подчиняется ему и работает по его указаниям, вверг до состава на всероссийского учредительного собрания.

10) Атаман Семенов может теперь же, не ожидая прибытия к нему члена всероссийского крестьянского правительства, составить временное всероссийское правительство, при условии, чтобы они были крестьяне или внуки и дети крестьян.

Председатель всероссийского
крестьянского съезда Георгий Муромцев.
Секретарь съезда Илья Корольев.

1. Нижний-Новгород.

297) Ослушавшись слова: «Да, хорошее наследство оставил Колчак».

298) События в Николаевске на Амуре (см. прим. 307).

299) «Благоразумие» на этот раз действительно спасло положение, но оно не разрешило задачу, и напрасно Бодырев так категорически утверждает, что «свел на-нет попытку реакции захватить власть, ибо очень скоро реакция все-таки захватила власть». «Кроме благоразумия» следовало добавить и решительностью для борьбы с реакцией.

300) Полагаю, — что да. Бодырев того мнения, «что Япония сознательно шла на установление демократического буфера», т. е., либерально-торгового, при котором она могла бы удовлетворить свой хищнический экспансионистский аппетит. Но в том-то и дело, что «япони Японию» знала, в чью руку все-таки должен попасть Дальний Восток, а потому и хотела предупредить события. Японцы искали предлога для выступления, чтобы по крайней мере задержаться на русской территории и иметь возможность поддерживать свои претензии на Сахалин. Для этого они и спровоцировали разгром Николаевска на Амуре.

301) Урочище Алучино находится в 100 верстах от полотно железной дороги. После выступления чехов в 1918 году урочище Алучино стало укрытием всем бежавшим от преследования белофиндской власти и разных атаманов. Вот здесь-то, в Алучино и произошло формирование «красных партизанских отрядов Приморья».

В Алучино находился главный штаб партизанских отрядов, во главе с Гавр. Шенченко. После японского выступления 4-6 апреля в Алучино пришли красные войска, отступившие от Николаевско-Уссурийска и г. Гродековского.

Партизанские отряды и приближенные военные части были подчинены военному командованию, которое назначило в Алучино военного комиссара Якова Кокушона. Партизаны недоверчиво относились к военному командованию, а потому крайне недружелюбно встречали бывших белых офицеров, которых к ним назначали на командные должности. Алучинцы желали видеть Приморье под советской властью, а потому все свои действия согласовали с Дальбюро ЦКРКП. Так как алучинцы были единственной верной и надежной опорой, то вполне понятно, что Дальбюро всемерно старалось снабжать их оружием, боеприпасами и другими принадлежностями, в ущерб остальным военным частям, которые были слишком разнородны белыми и находились в подчинении высшего командования края. Отсюда ясно, что офицерство должно было hostility на алучинцев и пользоваться всяким случаем, чтобы вредить им. Чтобы восстановить партизан против Дальбюро, чиновники штаба главного командования систематически тормозили доставку припасов для алучинцев.

302) Меры принимались (см. конец прим. № 313).

303) Эта интиерта была бы предупреждена, если бы совершенно не пропустили безнадзорно-белогвардейцев на территорию области.

304) Последняя фраза в документе была записана так: «Переборщина с портретами советских деятелей, портреты которых в виде иконостасов выставили перед трибуной».

305) «Ретивизан» в Цусимском бое участия не принял. «Ретивизан» находился в Порт-Артуре с самого начала русско-японской войны и в первых же боях был выведен из строя. Перед сдачей Порт-Артурса русские потопили «Ретивизан», но так неудачно, что японцы вскоре подняли его, привели в порядок и зачислили в свой военный флот, как боевую единицу.

306) Генерал Оей был в это время главнокомандующим японскими экспедиционными войсками в Сибири.

307) Когда трипинские отряды вошли в Николаевск на Амуре, то они заключили перемирие с находившимся там японским гарнизоном. В городе находилось также значительное количество русских белогвардейцев. Японские командование взяло их под свое покровительство. Подстрекаемые японцами и получая от них поддержку вооружением и деньгами, белогвардейцы начали держать себя крайне вызывающе по отношению к отрядам, принесяшим установить советскую власть, вследствие чего город все время находился в напряженном состоянии. Чтобы успокоить население, Трипин создал на 12 марта крайний суд. Но в ночь на 12 марта японцы без всякого повода, если не считать предвзятое их требование о разоружении, которое не было удовлетворено, внезапно выступили и убили леволице. Сам Трипин, только раненый, с трудом спасся из своего помещения, которое захватили японцы.

Трипинские отряды отступили за город, где соорганизовались, и днем 12 марта сделали успешное контр-наступление на японцев. Отступая со своих позиций, японцы укрывались в здании японского консульства и оттуда стреляли в русские, не допуская к себе парламентариев для переговоров. В конце концов японские войска были перебиты.

Трипин был настолько убежден в своей правоте и в правильности своих действий, что немедленно же принял все меры к созыву международной следственной комиссии для расследования событий в Николаевске на Амуре. Все указывало на то, что японцы сознательно провоцировали русских.

Выступлением 4-6 апреля японцы раскрыли свои карты. Характерно, что когда в конце апреля сошлись японские и русские делегаты для выработки соглашения, то японцы настаивали, чтобы вопрос об ответственности за события 4-6 апреля обсужденно не поднимался.

308) Эти «скрытые силы», которые «делали погоду», были, конечно, коммунисты. С точки зрения Болдырева, коммунисты, быть может и заслуживают упрек, но с нашей точки зрения, они поступали вполне правильно, ибо они свергли Романовщину для того, чтобы утвердить в области советскую, а не буржуазно-демократическую власть, на которую, как на переходную ступень, они временно согласились. Исходя из этих соображений, вполне понятно, если в известных случаях коммунисты действовали «за спиной правительства». А так как положение этого демократического правительства было крайне тяжелое и неуверенное, то «скрытые силы» вполне правильно делали, если ликвидировали и уводили из области то имущество, в котором нуждались тыл и которому угрожала опасность попасть в чужие руки. Что о намерениях и целях коммунистов «демократ» Болдырев не мог быть информирован в той мере и степени, как это ему желательно было бы, вполне понятно, но что коммунисты имели все основания с некоторой подозрительностью относиться к «демократическим членам» этого правительства—факт. Глава этого правительства, Медведев, связывался с представителем русских белых «правительства» и находився в переписке с Маклаковым, «русским послом в Париже». И вполне понятно, если при первом удобном случае коммунисты сняли Медведева с поста и заменили его коммунистом Николаевым.

309) Буферная «Дальневосточная Республика», иначе называемая «ДВР», должна была сыграть роль «передышки» на пути продвижения советской власти к берегам Тихого океана. эту роль она сыграла. В 1923 г., когда только японские войска очистили советскую территорию, ДВР ликвидировались, установив по всей области советский образ правления.

310) См. архив. №№ 294 и 307.

311) Уткин был убит при следующих обстоятельствах. В качестве представителя Приверского правительства, Уткин выехал на Иман для ведения переговоров с японцами о прекращении военных действий. Узнав, что сотник Коренев занимается на Имане граблями, Уткин пригласил Коренева для объяснения. Выйдя в нагон, Коренев выстрелом из револьвера убил Уткина. Милиционер Когода хотел было задержать убийцу, но Коренев выстрелил во второй раз и уложил на месте милиционера.

312) См. архив. № 301.

313) Как И. И. Циммерман попал в «демократическое» правительство—непознано, ведь Циммерман—правый кадр, член биржевого комитета, а при Колчаке был даже консулом.

314) И здесь мы можем повторить только то, что по другому случаю сказали в приложении № 308. Цейтлин поступал вполне правильно, если в то время не считался с формальными постановлениями «демократ. правительства», а с реальной политикой, которую проводил Дальфоро.

315) Андросский вообще хотел выжать капитал на имущество академии генерального штаба. Впоследствии, когда он при меркуловской власти занял пост городского головы Владивостока, то на казенный счет поехал в Японию, где закончил переговоры с японцами о продаже им ценнейшей библиотеки генерального штаба. Об этом, как о «выгодной покупке», одна японская газета и сообщила своим читателям. Переговоры о продаже библиотеки велись с согласия братьев Меркуловых и генерала Дитерихса. Когда Андросский возвращался во Владивосток, чтобы забрать библиотеку и отправить ее в Японию, то на пути встала его «специальная весть», что библиотека находится уже в распоряжении штаба 5 Краснознаменной армии.

316) Описан может эпизод: «Медведев жалуются на Доманевского, который продолжает быть в трансе и сильно чудачит. На-речь его несколько повели только японские офицеры. Он теперь считает себя болгарским генералом и французским офицером. Ходит при всех орденах и ультимативно требует от французской военной миссии защиты его чести, как кавалера Legion d'honneur. Видно, придется все-таки его некого поинтересовать».

317) Болдырев остался верен себе. Он молчал, когда Авксентьев столкнулся с Валодским. Он выжидает и теперь, когда «вновь затягивается ожесточенная борьба».

318) Когда во главе правительства стоял Медведев, то портфель военного министра находился в руках Кравченко (теперь коммунист, тогда же всеобщественник). Болдырев держался в те дни с достоинством и, если принять во внимание, что с ним считались в японцы, то станет понятным почему Никифоров, сменивший Медведева, представил портфель военного министра Болдыреву. Ему несомненно приходилось работать при крайне тяжелых условиях и чрезвычайно сложных обстоятельствах, разобраться в которых он не мог. Болдырев подчеркивает, что он вступил в правительство, руководясь соображением служить интересам «Родины и русского дела». Интересно же это он понимал по-своему и вполне понятно, что не мог сражаться. Ведь заодно ясно, что это было бы преступлением в то временное время отправить себе в тыл такую большую контр-революционную армию, некогда шедшую под командой Каппеля. Будущее показало, что именно коммунисты были правы, так как те капиталистские части, которые осели на нашей территории, — создали впоследствии большие осложнения. Болдырев, чтобы помянуть на глумливых людских чувствах, говорит, что «актуальную картину» представляли «беженцы — старики, дети» и т. д. Не спорю, но факт тот (знать этого Болдырев не мог), что уже задолго до того, по распоряжению Дальфоро, работала неслышная комиссия, которая отбирала тех, которые не представляли опасности, и отправляла их на родину. Среди отправляемых были и родные всех армий. Таких родных было не мало. Поставить же дело широко и резюмировать массами не только родных, но и враждебных советской власти офицеров, было нельзя. Это понял бы и Болдырев, если бы уже тогда «Родина» в его представлении была — «Советская Россия».

319) Описан ответ Болдырева Андросскому: «Для этого ему (Кравченко) надо приехать ко мне».

320) Вокруг газеты «Вечер» сгруппировались члены «Демократического союза» («Демсоюз»). Этот Союз, как в одном месте говорит Болдырев, — «обещал «лиц не связанных никаким партийной дисциплиной» и «главным образом, беспартийные элементы, ставшие себе задачей борьбу с поднимавшей голову реакцией». А, между тем, под флагом этого «демократического» Союза проиел в Учредительное Собрание ДВР Зинянский — человек сомнительной демократичности, который в Учредительном Собрании находился на крайне правой фланге и который своими докладами в действительности Учредительное Собрание возмущал против ДВР все буржуазно-либеральные группировки Владивостока, чем, конечно, играл и на руку реакции.

321) Вместо последней фразы в диктанте записано: «Валута на дороге, видно, сильно занала Андросского, и он решил туда поехать».

322) Осевшие капиталисты, конечно, начали готовиться к перевороту и, понятно, что они должны были враждебно относиться к Болдыреву, которого вообще считали демократом и которого, поэтому, опасались.

323) Правые группировки упорно называли Учредительное Собрание ДВР «интинскими», подчеркивая тем самым желание рассмотреть буфер, как такое государственное областное образование, которое автономно и в своих действиях совершенно независимо от остальной советской России.

324) Опущены слова, с которыми Сахаров обратился на Куствова: «Тебе кто позволил сюда прийти, мерзавец? Вывести его!»

325) Опущены слова: «Познакомился в редакции с адъютантом Молчанова и Нам. Осв. Отдела армии. Дельные ребята. Привезли аэляционные листки. На одном из них фигурирует Цейтлин с его угрозой» и т. д. Словом, по дневнику видно, что к этим листовкам имел некотором близкое отношение и Демсов.

326) Опущена вся запись от 30 января. В этой записи читаем такое место: «Я имел неосторожность, открыть свои карты в статье «Советский империализм» жариво с большинством навестили резки».

327) Опущены слова: «Красиво, применены все обычные обвинения в контр-революцию, ненависти к сов. России, услужения «квоту» и т. д.

328) Вместо последних слов в дневнике записано: «Советская страна, юные мальчики надеются наотрачиченные правами».

329) Не все владивостокские депутаты поехали в Читу. Не поехал и Болдырев. По своим соображениям он не поехал — нам неизвестно. Забегая, однако, немного вперед, отметим, что после меркуловского «интервью», в котором речь будет идти, все владивостокские депутаты, как заподозренные в меркуловской авантюре, были исключены из состава членов Учредительного Собрания ДВР.

330) В дневнике слово «творили» пропущено и вместо в записке «Ф» — это некто Филиппов.

331) Этот «А» — Антонович, попал на восток вместе с академией генерального штаба, содействовал Розанову в захвате Владивостока.

332) Вместо слов «каменные утомления» в дневнике сказано: «Надоели и красные знамена, и лозунги, и гнусное веяние интернационала».

333) В связи с этим местом не лишним считаю для характеристики нерешительности Болдырева привести записку, сделанную для него через два (11 февраля), но опущенную в Токтею книгу: «Встал с тяжелым сознанием беспомощно проведенных последних дней. Обстановка крайне сложна, выбрать наиболее соответствующий путь трудно. Владивосток — Чита; интервенция — интернационал. Так рассуждал Болдырев в те дни, когда воцарилась «тревожная служба» о готовящемся выступлении семичанцев».

334) См. прим. № 111.

335) Правительство «терзало почти», главным образом, потому, что дало обещать в области значительным белогвардейским силам, которые тем только и занимались, что подготавливали перевороты.

Финансовый кризис и безработица тут ни при чем, тем более, что и эти «экономические места» были следствием большого скопления бездельников, людей неспособных к физическому труду, людей, которые всегда готовы были стать иррегуляр в руках японцев.

336) Как в начале своей книги Болдырев восхвалял «демократию» Директории, так теперь он это делает по отношению к Демсову, но забывает, что если Демсов, как и Директория, имел «хороших ораторов», так зато у него не было почвы под ногами. Масса за ним не шла. Кого же совет думал облагодетельствовать своим демократизмом?

337) Утверждение голословное.

338) См. прим. № 246.

339) Болдырев действительно активного участия в меркуловском движении не принимал, но что он знал о готовящемся перевороте — это несомненно. Впрочем, кто из членов Демсова этого не знал?

340) Многозначно Болдырев заменил следующие слова из дневника: «Чай едят полковники, неизвестно, что — полковники за лангет или ланги возвращены в полковники».

341) Опущены слова: «Социалистический банк хочет просто взять за работу крестьян, благо белогвардейское правительство выбывает из наших рук».

342) В оригинале сказано: «У Боострежа заседали с харбинскими кооператорами».

Каков же был демократизм этого Демсова, когда члены его заседали с сержантами?

343) Опушены слова: «Встретил А. И. Андрееву, Сетовала, почему я не беру власть и не приглашаю Андреего. Не удержалась сказать гадости, будто бы Са. «о мне сказал «Бодырев — выстрелный патрон».

344) Бодырев, умолив о том, что Меркулов был у него дома, опустил следующую, довольно ярко характеризующую членов Демсова, запись дневника: «Вечером сидел в помещении Демсова. С Ф. Знаменский, «слабый человек», неустойчиво громил кадет, в частности Краля, и так назвал своими репликами Бострема, что (тот) не выдержал и сказал, что он «в таком каюке сидеть не намерен». Знаменский вскочил (крикнул) «до свидания» и покинул собрание, при чем Б. сказал ему: «Генерал от демократии», а тот ответил «генерал от бюрократии». Глуше».

345) В дневнике вместо последних двух предложений сказано: «Впервые говорили (с Меркуловым) о необходимости обращения (грузы) из зоны отчуждения, каких бы жертв это не стоило. Выяснили, что грузы продавать придется».

346) В дневнике сказано: «Скучная прозаическая речь».

347) Опушены слова: «От командира 3-го корпуса генерала Саввина, старобратского архиепископа, старообразческого старосты и Николаевской и Владивостокской городских дум. Всяма жидкие аллюзии».

348) Широкоротов и Олякин — были в Народном Собрании лидерами монархической фракции.

349) Заметить должна, что в офицерской артели не было «рабочих, ранее бывших в своем грушевом». Эти «рабочие» были женщины, единоличницы офицеров.

350) Опушены слова: «Недурно для армии Его Королевского Высочества».

351) В дневнике сказано: «Со стороны пьяного Савосына». Всеволод Иванов — был вторым председателем национального демсовета. Человек продажный, большой хамелеон, занесивший у интервентов, осклабывавший в переписке меркуловских приятелей. За все эти доблести и получил прозвище «Савосына».

352) Состав Народного Собрания представлял большую смесь представителей разных группировок. В состав Народного Собрания вошли 11 диких, 7 казаков, 11, так называемых, крестьян, 1 кадет, 4 эсера, 9 асоциалистов, 8 демсоветцев и т. д. Все они образовали в Народном Собрании 4 основные группы: 1) блок асоциалистов — 43 депутата, 2) Демсова с примыкающими — 19 депутатов, 3) трудовая партия — 7 депутатов и 4) эсеры с примыкающими — 15 депутатов.

353) На этом завтраке, который состоялся в день Покрова, присутствовали, кроме перечисленных в тексте, генерал Молчанов и В. Иванов — Савосына. В этой благородной компании очутился «демократ» Бодырев. Как будто он не мог знать, что здесь будет властвовать настроение «монархически-хмельное», а не учредительское. Текст книги очень скупо передает запись дневника. «Неудачествовал в своем слове Меркулова, — читаем мы в дневнике. В то время, когда «пьяненький командир (Зеленцов) упреки бурчал «за монархию» — Иванов-Савосына, — как отмечает Бодырев, «привел одну из своих арий о старой императорской армии и бегал кругом стола, когда его начали ловить, чтобы покачать».

354) Цейтлин, Роман Давыдович — старый партийный работник, в 1903-1906 г. был членом северо-западного комитета РСДРП, участвовал в 1907 году на нашем партийном съезде в Стокгольме; в 1919 г. сослан в Сибирь. Во время мировой войны Цейтлин жил в Харбине. Там же он энергично закреплял завоевания Февральской, а затем Октябрьской революции, а впоследствии, после явления колчаковщины, участвовал в образовании ДВР. Цейтлин, в качестве уполномоченного ДВР, находился во Владивостоке как раз во время меркуловского переворота. На квартиру врача Моксеева, куда Цейтлин пришел повидаться с некоторыми политическими друзьями, явились трое воинов, которые начали арестовывать у него обыск по ордеру меркуловской контр-разведки. Во время обыска один из воинов выстрелом из револьвера убил Цейтлина наповал.

355) В дневнике этот раут описан более красочно. «Закончилось все поздно ночью, — читаем мы в дневнике, выпито было предпретия. Не обошлось и без скандала. Депутата Кокина побил какой-то казачий офицер. Наливаются японский профессор Хигучи считал вочему-то своим долгом вмешаться со всеми дома свои и получил от старенького казачьего генерала отповедь на обширном «шескширском» (?) языке.

Саша — почтенный профессор, кончивший нашу Киевскую духовную академию, «не понял» и продолжал всех уверять, что Россия больше нет и не будет, как нет старой римской империи. Мне почему-то снился в эту стремительную социализированную Японию и раздеты японки, как это делают русские дамы (?). Я ему ответил, что это ничего бы не прибавило и откровенности японки, так как они и теперь раздеты сзади до пояса. Лико танцовщица казначей генерала, перд со слезой казачки и наши версификанты «крестьяне». Одним словом, к 2-3 часам ночи объединение было достигнуто, но шной, думаю, не малой!

356. Последние две строки в дневнике записаны так: «Вот тебе и легенда о восстании на сибирской магистрали, о которых так старательно сообщают «Знаменщина» власти из «Русского Края».

357. Никакие переговоры Цейтлин с каптелевцами не вел.

358. Последний отрывок, который в книге начинается словами «у меня имеется», в дневнике отсутствует. Вместо этого во в дневнике находим следующие слова: «И в этом будет громадная трещина среди молодого поколения».

Словом, в дневнике выражен взгляд, противоположный тому, который находим в книге.

359. Праздник, о котором говорит Водырес, был отпразднован столь эффектно и красиво, что читатель, думаю, не посетует на нас, если восстановит весь анализ дневника, тем более, что про академичеи царского генерального штаба Водырес в своей книге ничего почти не сказал.

«Праздник георгиевских кавалеров, праздник генерального штаба и академии». По иному соглашению в силу обстоятельств, сложившихся между начальником академии А. Андогоским и конференцией, всякое торжество в самой академии признали излишним. Общий праздник устраивает правительство и командование. Я получил приглашение, как тов. пред. Народного Собрания. Возновился старик В. М. Колобакин. В этом почтенном профессоре столько честности и страсти быть на виду у начальства! Долго обсуждал — не укалено ли его достоинство представлением ему билета в третьем ряду? Не мало пережито тревог из-за шпор и из-за дести.

Утром был в церкви, жарко, душно и скучно, очень плохо. После парад принял глава правительства С. Д. Меркулов и Веребицкий. Я, конечно, был в стороне, и мой вероятный штабский палец и выпоротковая шапка адюванта «Славосказу» на очередной фельетон. У ограды церкви какой-то не социалист расправлялся с болшевиком: «Было время — расстрелять меня хотел, а теперь, мерзавец, пришел на наше торжество, на нашу партию любоваться».

«Недурно пришли звезды морских, морских стрелков, сводный кавалерист и полк... затем маршировала георгиевские кавалеры. Народу было очень много, преимущественно из сочувствующих новому порядку».

Поехал на автомобиле с Андрушевичем в «Золотой Рог», где был приготовлен завтрак для георгиевских кавалеров и офицеров генерального штаба. Сидел рядом с Веребицким, справа от меня старый богаты генерал Мандрика. Говорил Свиридов (Меркулов) о «прояснле боясь», генерал Веребицкий. От имени офицеров генерального штаба отвечал «старейший» Б. М. Колобакин. От имени академии А. Н. Андогоский оправдывался за «изнанский» изгнб академии к той же цели, куда идет в настоящее национальное правительство. В юбилейной повесте «Русской Армии» его довольно хвалится статья.

Высказав с великой истерической речью возмущающийся Антонович и насчитав на скандал. В своей речи отлично знающий его И. И. Еремеса спросил: кто этот предудный оратор без погон, офицер-ли он? Антонович пытался объясниться и в конце концов, поиндому, действительно был выведен ген. Степановым, выполняющим роль выведного. Недурно для генерала генерального штаба.

Веребицкий резко кричал, восстанавливая порядок среди болельщиков гостей. Во время моей речи в отношении к тем георгиевским кавалерам, кои расселины за предсказия родича, какой-то пьяный полковник крикнул: «а ты жирный!» Веребицкий грубо приказал ему убраться вон. «Слушаю, ваше высокопревосходительство!» Сочетание жда и холма, таким образом, исчезло из-за стола.

Скоро уехал У бывшего на завтраке жюффа Дехондова стацили шубу, стоимостью 400 рублей!

Так бывшие люди справляли свой военный праздник! Так и «частные дни» занимались они, делами!»

360) Опущен следующий кусок: «Здесь еще много «товарищеского» духа и обратил внимание на обращение ко мне. Слово «товарищ» исконно из обихода. Смысл этих слов ставит сомнительным, если заметить, что «общество народных чтений» (это видно из одной, опущенной в тексте книги, записки диктанта) «до 26 мая (меркурианский переворот) находилось в плену у коммунистов», оставивших обиходу в наследие «товарищеский дух», «исправить который Болдырев и желал».

361) Опущена запись от 20 декабря, в которой находим такие строки: «В канцелярию доложила бумажку с просьбой исследовать у японцев «записки» для записки директрис складов. В приложенной ведомости эти записки оказались замканы в трехдверном орудии. Не помню: канальность, глупость или проволочность».

362) Точная запись последних двух строк такова: «Какой-то молодой человек Крымюк, бывший «советского رای», едет, видимо, на инициативе «Несо-С'лада» рассказывать населению области об этом «рае»».

363) Последние строки записки в дневнике так: «Меркурий выпад, сильно матершился, но все исполнялось открытым темпераментом и волей к борьбе. Он вместо ругая совет несо-с'лада, Донченко, скатился с генералом Анисимовым, угрожая всем бросать Дем-юков и повелеть им на полном беззаконии. Возмущался претензиями Широкогорова на портфель министра иностранных дел и, видимо, был бы весьма не прочь предоставить его мне, но, к сожалению, я не имел к этому никакой охоты».

364) Остроумов Б. В.—инженер. Став управляющим КВЖД, он немалым действительством ее возвращению СССР. Остроумов нажил за время своего хозяйничанья на этой дороге большой капитал. После того, как дорогу передали СССР, обнаружилось, что Остроумов совершил ряд уголовных преступлений, вследствие чего китайские власти арестовали Остроумова и передали его суду.

Гондальти—бывший генерал-губернатор Примурского края. Гондальти заведывал на КВЖД земельным отделом и был членом правления этой дороги. Будучи близким сотрудником Остроумова, Гондальти принимал участие во всех его контр-инвалидных и хищнических проделках. Гондальти также послужил китайским властям в тюрьме.

365) Дайренская конференция, состоявшаяся в г. Дайрене в августе 1922 г., была первой русско-японской конференцией после нескольких лет интервенции и оккупации Дальнего Востока. Основной вопрос—эвакуация японских войск из пределов Приморья, конференция не разрешила. Япония предлагала в Дальневосточной республике «17 требований», принятие которых означало бы превращение Дальнего Востока в «русскую» Корею. Японское правительство добилось на Дайренской конференции от Дальневосточной республики официального и формального подтверждения за Японией права и преимуществ на Дальнем Востоке, как в политическом, так и в военном отношении. Кроме того, Япония стремилась продемонстрировать перед заседавшей в то время Вашингтонской конференцией свое искреннее намерение вывести войска из Приморья. Несмотря на то, что Дайренская конференция была сорвана японскими министрами на другой день после окончания Вашингтонской конференции и не смотря на то, что эта конференция не разрешила основного вопроса о выводе японских войск, все же она означала собой скорый конец японской оккупации Дальнего Востока.

Чанчунская русско-японская конференция происходила 4 сентября 1922 г. На этой конференции впервые принял официальное участие в переговорах с Японией представитель РСФСР. Чанчунской конференцией предшествовала декларация японского правительства о выводе японских войск из Приморья к 1-му ноября 1922 г. Символическая депрессия, настроение определенных японских кругов, направленное против интервенции в Сибирь, а равно также Америки изгнали японское правительство приступить, наконец, к эвакуации японских войск из Приморья. В Чанчуне Япония не отказалась совершенно от политики нажима ради достижения особых преимуществ и вынуждений, и поэтому Чанчунская конференция не установила вполне нормальных дружественных отношений между Советским союзом и Японией. Эти отношения установились значительно позднее.

366) Трудно согласиться с утверждением Болдырева, будто эти организации, членами которых было исключительно белогвардейское офицерство, «преследовали глав-

ним обладок, экономические цели. Возможно, что среди этого офицерства находились и такие, конечно, немногочисленные лица, которые успели разочароваться в белой диктатуре и даже в монархической идее, но рисовать дело так, будто эта офицерская масса вынуждена была «под угрозой репрессии» «дать своих представителей на национальный съезд», значит — грешить против истины. Национальный съезд занялся ведь мобилизацией сил для борьбы с советством, что естественно составляло основу не только «союза георгиевских кавалеров», но, возможно, и «союза инвалидов».

367) Как только Дятрихс убрался во-своих, из гостиницы «Золотой Рог» появился «бело-зеленый флаг». На плаката, который был наклеен у входа в гостиницу, владивостокские жители могли узнать, что образовалось «правительство автономной Сибири», во главе которого стоит кооператор Сахаров и профессор Головачев. Это «правительство» образовал японский полковник Гоми с целью грабежа. Дело в том, что Гоми вывел из Хабаровска во Владивосток советские золото, конфискованное японцами.

Ударяя на Владивосток, Дятрихс не успев вывести этого золота. Его решил прикарманить Гоми. Именно ему Сахаров и Головачев передали это золото «в личную собственность» за 10 процентов вознаграждения. Получив вознаграждение, Сахаров и Головачев забыли про власть и как именно свершился убрался по добру по злому, ибо к Владивостокскому водохранилищу под командой Уборевича 3-я Краснознаменная армия.

Ясное представление о том, что в дни Сахарова-творилось во Владивостоке, даст следующий документ:

*Генералу Н. Р. А. Дальневосточной Республики.
Лично военному маршалу во Владивостоке.
Копия японскому командованию во Владивостоке.*

Центральный Стачечный комитет рабочих организаций г.р. Владивостока и его окрестностей, обсудив 21-го сего октября в 11 часов дня вопрос о положении в г.р. Владивостоке, доводит до вашего сведения следующее:

1) Под непереносимым интервенции совершенно разграблено все народное имущество и погружено на суда; что не удалось увезти, то стараются привести в порочность.

В настоящее время белобандиты приступили к грабежу имущества: отдельных учреждений; разграблены железнодорожные склады на Первой реке и на Эгороводе.

В последнюю минуту идет расхищение железнодорожного дела, не исключена возможность горни оставшихся паровозов и прин. имущества.

2) Происходит захарение жилых белобандитов на частные квартиры. Так в ночь на 21 октября, в рабочей слободке вооруженными белобандитами булыжниками и кирпичами похищены окна в домах, где живут рабочие.

3) Вооруженными группами производится аресты и увоз арестованных на суда, в судах которых добыть сведения не представляется возможным. Также делались попытки увоза политических заключенных на торьма.

4) В городе полное отсутствие власти. Происходит грабежи и насилия. В результате творящейся анархии, скандала шайки, во главе с Сахаровым и Коми, объявила себя правительством, что еще в большей мере усилит беспорядки и анархию в городе и дает возможность оставшим белобандитам творить суд и расправу над беззащитным населением.

Если такое положение продолжится еще несколько дней, то народное имущество в конце будет разорено и население предстанет неисчислимым бедствиям.

Стачечный комитет, делая о настоящем до сведения, просит командующего Н. Р. А. вернуть и восстановление порядка в городе Владивостоке.

М. П.

21 октября 1922 г.
г.р. Владивосток.

Центральный стачечный комитет рабочих организаций
города Владивостока и его окрестностей.

Истории событий на Дальнем Востоке за 1900—1905 годы, Болдыреву пришлось касаться и роли, которую в этих событиях играли чехо-словаки, к сожалению, эта роль выделена слабо. Болдырев говорит о чехо-словаках кратко, как бы мимоходом, а между тем в то время никто, как Болдырев, так близко не соприкасался с чехо-словаками. А отношения с чехо-словаками у Болдырева были самые лучшие. И в благодарность за такие отношения чехо-словаки 12 августа 1920 г. наградили Болдырева, как командующего Приморским Военным Округом, «чехословацким боевым крестом».

Получив награду, Болдырев 14 августа послал «командующему чехо-словацкими войсками на Дальнем Востоке», генералу Чехеку, следующее письмо:

«Ваше превосходительство
Уважаемый генерал!

12 Августа с. г. я имел честь быть награжденным высоким военным орденом, Чехо-Словацким боевым крестом. Эта высокая боевая награда, символизирующая мою с доблестью Чехо-Словацкой армией, прочно закрепит те узы дружбы, которые создались между мною и Чехо-Словацкими войсками.

Прошу вас, генерал, через господина Военного Министра выразить Господину Президенту Чехо-Словацкой Республики мою глубокую признательность за высокую оказанную мне честь.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

В. Г. Болдырева.

Уезжая на родину с богатствами, награбленными на Урале и в Сибири, командующий чехо-словацкими войсками послал 20 августа 1920 г. за № 17916 Болдыреву следующее письмо:

«Ваше превосходительство!

Покадая Владивосток со своим Штабом во вторник 24 августа на транспорте «Президент Грант», считаю своим долгом сердечно вас поблагодарить за вашу любезную поддержку, которую вы мне во время моего командования на Дальнем Востоке всегда оказывали.

Надеюсь, что дружеские и сердечные отношения, которые существовали между нами здесь, на Дальнем Востоке, будут поддерживаться и в будущем между нашими свободными странами; желаю вам полного успеха в вашей созидательной работе и пребываю в глубоком к вам уважении.

Генерал-Мадор Чехек.

Оба эти письма написаны, повятою, общепринятым официальным стилем и, поэтому, останавливаясь на содержании этих писем не имеет никакого смысла. Но две фразы этих писем кто-то несколько обращает на себя внимание. Болдырев пишет: «между мною и Чехо-Словацкими Войсками», а Чехек подчеркивает: «между нашими свободными странами». Стоит сравнить эти две фразы, чтобы пред нами явились во всей своей красе два «демократа-генерала, два патриота: европейский и российский.